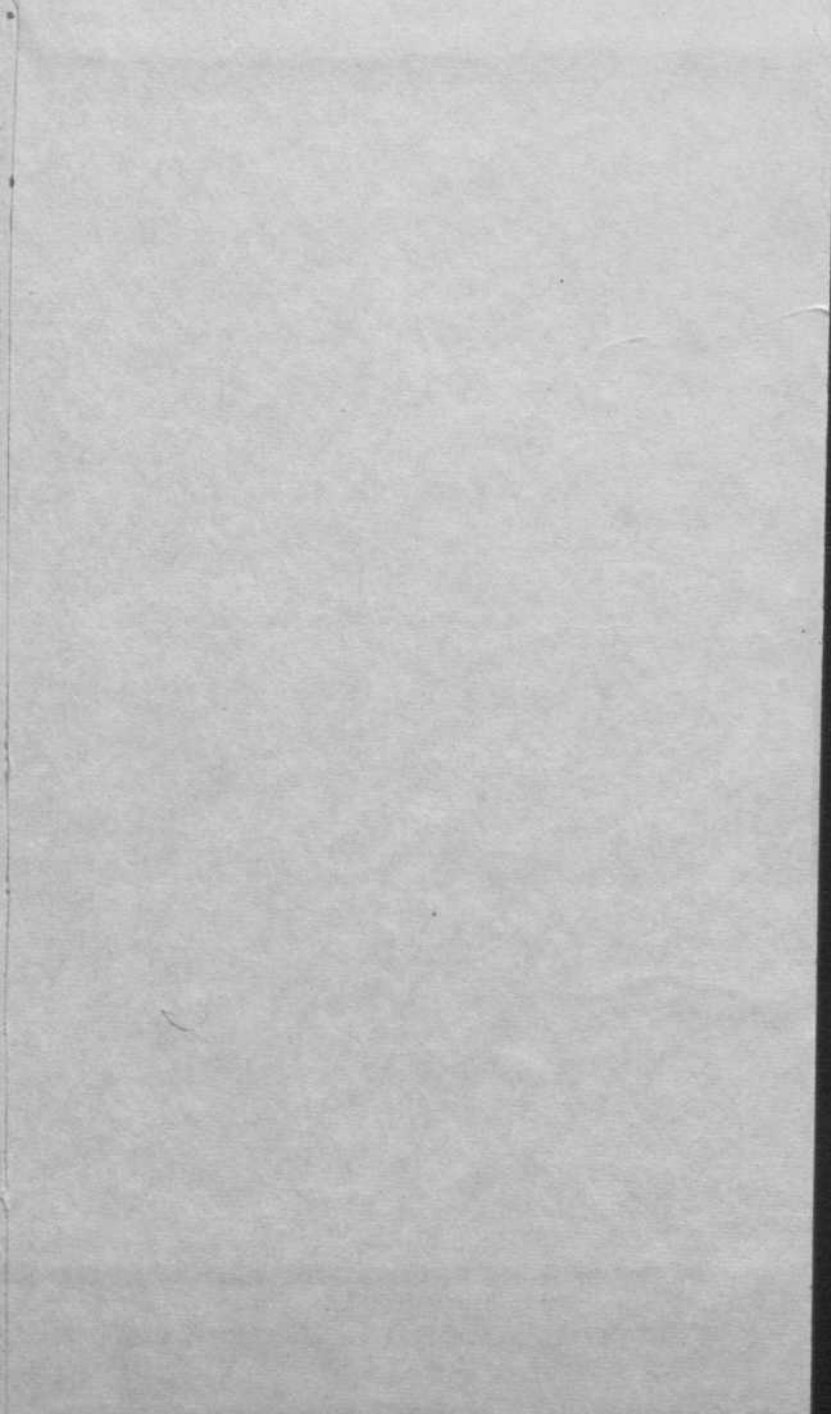

М.Н.БОГДАНОВ

МИРСКИЕ ЗАХРЕБЕТНИКИ

М. Н. БОГДАНОВ

МИРСКИЕ ЗАХРЕБЕТНИКИ

ОЧЕРКИ ИЗ БЫТА ЖИВОТНЫХ,
СЕЛЯЩИХСЯ ОКОЛО ЧЕЛОВЕКА

*Издание двадцатое,
просмотренное и исправленное*

УЛЬЯНОВСКАЯ
ДРОБЕЦ КНИГ
Государственное
учебно-педагогическое издательство
министерства просвещения РСФСР
Москва—1960

087962

287962

64

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сборник очерков замечательного русского ученого-педагога Модеста Николаевича Богданова «Мирские захребетники» выходит двадцатым изданием.

Больше 80 лет прошло с тех пор, как автор писал эти строки. А писал он после того, как сам лично многое пронаблюдал, тщательно исследовал, изучил.

Произведения М. Н. Богданова, напечатанные для детей в книгах: «Мирские захребетники», «Рассказы из жизни русской природы» и других, написаны так красочно, тепло и так заманчиво, что многие читатели этих книжек затем встали на путь испытателей природы, стали учеными-биологами.

Учпедгиз, переиздавая эту книгу М. Н. Богданова по желанию многих советских зоологов, надеется, что и наши юные читатели получат много полезного из жизни русской природы.

РУССКИЙ ЗООЛОГ-ПУТЕШЕСТВЕННИК М. Н. БОГДАНОВ

(1841—1888)

Модест Николаевич Богданов родился и провел свое раннее детство в селе Русская Бекшанка Сызранского уезда Симбирской губернии.

В семье, кроме него, было еще три брата. Они росли живыми, бойкими мальчишками, любили шумные игры, мастерили игрушки.

Маленького Модю, как его звали в семье, не интересовали ни игры, ни игрушки. Он мог часами, забравшись в кусты, наблюдать за жизнью птиц; сидя над водоемом, с увлечением следить за водяными жуками или толстой лягушкой.

Когда домашним нужно было найти его, они уже знали, что Модю нужно искать не в шумной компании сверстников, а где-нибудь «около зверюшек».

Природа глубоко захватывала мальчика, открывая ему все новые свои тайны.

Вот как он сам впоследствии писал об этом: «Лес и степи, озера и реки с их лугами, болотами и кустами приковывали все мои помыслы. Таинственной и чудесной, вечно новой и заманчивой представлялась мне жизнь их обитателей — зверьков, птичек, ящерок, улиток, лягушек, паучков и рыб.

Каждый поход в лес, поле, на речку кончался знакомством с новым, невиданным животным. Каждый день перед

моими глазами развертывались новые картины природы, картины живые, подвижные, переменчивые, где ни одна фигура не оставалась праздною, безучастной.

Сцены жестокой борьбы между животными, вызываемые голодом и враждой, сменялись сценами счастья, привязанности и самоотречения.

Природа открыла мне доступ в свои заветные тайники».

Любовь к природе, жадное внимание к ее проявлениям с годами все крепла и делалась осмысленной. Когда Богданову исполнилось десять лет, он поступил в Симбирскую мужскую гимназию. И там естественные науки стали его любимыми. Первое время мальчик тосковал в разлуке с деревенской природой, но и в Симбирске он скоро нашел места, где мог заниматься своими любимыми наблюдениями над животным миром.

Сады, окружающие поясом Симбирск, далеко тянущиеся за городом, стали излюбленным местом его прогулок. Сады и берег Волги с его островками, «воложками» и зарослями.

Здесь весной он, затаив дыхание, слушал пение перелетных птиц; в симбирских садах осенью охотился на зайцев-русаков.

Но если его товарищей увлекала охота, то Модеста больше занимало изучение повадок и привычек животных и птиц. Увлеченный наблюдением над хитрым русаком, ловко обманувшим охотника, он мог пропустить удобный момент, за что его часто бранили товарищи. После окончания гимназии М. Н. Богданов поступил в Казанский университет на естественный факультет, где главным образом изучал анатомию зверей и птиц, и с увлечением работал в зоологическом музее университета.

Но его не удовлетворяла работа по изучению мертвых музейных животных; его тянуло наблюдать их живыми в естественной природной обстановке.

Сразу же после окончания университета М. Н. Богданов с группой товарищей едет по Волге в ее низовья изучать быт животного мира Поволжья. В низовьях Волги, в бес-

численных рукавах ее дельты, на островках и в кустарниках наблюдают молодые натуралисты жизнь водяных птиц и изучают ее.

Этот крикливый птичий мирок захватывает Модеста Николаевича, и он с трудом отрывается от него. Но, к его счастью, по приезде из этой первой экспедиции он получает предложение Казанского общества естествоиспытателей отправиться на Кавказ для исследования жизни горных животных, птиц и сбора материала для музея.

Летом 1871 года М. Н. Богданов отправляется на Кавказ. Новая, невиданная им растительность, новые виды животных и птиц — вся величественная природа Кавказа поражает его. Он с увлечением работает: наблюдает, изучает животный мир, собирает богатый материал для зоологического музея. Но жестокая тропическая малярия, «кавказская лихорадка», как ее тогда называли, прерывает эту работу. Богданов вынужден уехать с Кавказа, изнуренный этой болезнью, которая привела за собой другие, рано оборвавшие его жизнь.

В 1873 году, немного поправив здоровье, Модест Николаевич едет в Хивинскую экспедицию, являясь пионером по исследованию пустыни Средней Азии и Хивинского оазиса.

Он с жадностью изучает этот вновь открывающийся ему мир, работает без усталости, несмотря на тяжесть походной жизни и даже необходимость участия в военных действиях. Об этом периоде своей жизни и работы он написал книги «Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызыл-Кум» и «Описание Хивинского похода 1873 г.». Спустя год Модест Николаевич еще раз побывал в закаспийских степях с экспедицией Столетова.

М. Н. Богданов очень хотел посетить Европу, в частности ознакомиться с Берлинским зоологическим музеем, где сохранились богатые коллекции экспонатов животного мира азиатских степей.

На родине, в России, этим редким и нужным экземплярам не нашлось места, никто из правящих кругов не инте-

ресовался отечественными достижениями науки, и ценные коллекции оказались в Берлинском музее.

Вывез их туда профессор Эверсман, у которого учился Модест Николаевич в университете.

В 1875 году мечта Богданова сбылась: он получил командировку на год за границу.

Он неутомимо и жадно работает в музеях Берлина, Парижа и Вены и возвращается на родину, обогащенный опытом, с широкими знаниями, но с собственными теориями. Изучая материалы заграничных ученых, он не ограничивается восхищением перед их достижениями, а мечтает создать у нас, в России, музеи и зоопарки, собрать богатые экспонаты родной природы и научить людей любить ее.

По возвращении из заграничной командировки Богданов был избран профессором зоологии Петербургского университета. Он принес своим слушателям горячую любовь к природе, теплое отношение к обитателям лесов, полей и рек.

Студенты полюбили его за интересные, полные живых примеров лекции, за чуткое, доброе отношение к молодежи, за умение быть ее старшим товарищем.

Но, начав преподавательскую работу, Модест Николаевич не может оторваться от новых путешествий и исследований.

В 1880 году Петербургским обществом естествоиспытателей была организована экспедиция на Белое море и Северный Ледовитый океан под руководством М. Н. Богданова.

Здесь ему удалось изучить мурманский берег, изучить жизнь рыб и птиц и познакомиться с китобойным промыслом.

Вернувшись в Петербург, Модест Николаевич занялся большим литературным трудом о русских птицах. К этому времени он уже получил известность в России и за рубежом.

Его работы пользовались популярностью среди специалистов, и Академия наук под нажимом общественного

мнения научной среды нашла возможным принять на свой счет издание его книги «Орнитология России», завершить которую ему не пришлось.

Тяжелое сердечное заболевание, усилившееся после тропической малярии, мешало ему жить и творить во всю полноту своих возможностей. Он успел закончить только первый выпуск своей «Орнитологии России». Его деятельная натура, жажда общения с природой звали его в новые экспедиции, но силы слабели, и в 1885 году ему из-за болезни пришлось прекратить даже лекции. Университет помог ему поехать лечиться на Кавказ.

На Кавказе силы его восстановились, он вернулся на родину, на Волгу, где прожил до 1887 года. Здесь он написал отдельные очерки и рассказы, сотрудничая в детском журнале «Родник».

Осенью 1887 года Модест Николаевич вернулся в Петербургский университет к своей любимой молодежи. Но после первых же лекций сердечные припадки участились, и он окончательно слег. Прошла зима. Наступила весна 1888 года. В окна светило солнце, на ветках деревьев налились почки. Модеста Николаевича потянуло в лес, где на свежем насте уже кувыркались молодые зайчатки, где тетерева по утрам сходились для борьбы и брачной пляски. Природа оживала, а он впервые не мог встречать с ней праздник пробуждения. Собирая последние силы, перемогаясь, он написал яркий, теплый очерк «Глухарь», который стал его последней работой.

День 4 марта был ясным и солнечным. Модест Николаевич с утра чувствовал себя хорошо. Он сидел в кресле и по обыкновению что-то набрасывал в своей записной книжке, пользуясь одиночеством. Жена увела младших сыновей, Колю и Олега, гулять, чтобы не шумели в доме.

В соседней комнате что-то тихо мастерил старший сын, одиннадцатилетний Митя. Он был любимцем отца: ему, своему первенцу, Модест Николаевич привил любовь к природе, научил читать ее волнующую книгу, с ним он мастерил кормушки и скворечники для птиц, ему читал

свои детские рассказы: «Карпушкин родник», «О чем горевала синичка» и др.

«Митя», — вдруг громко позвал отец. Мальчик быстро подбежал. «Мне плохо», — с трудом проговорил Модест Николаевич. Мальчик бросился к нему, повыше поднял его голову, но она беспомощно запрокинулась на спинку кресла.

Когда через полчаса вернулась жена, Модест Николаевич был мертв, а у его колен плакал его старший сын. Похоронили Модеста Николаевича 7 марта, на кладбище Александро-Невской лавры. За его гробом шли тысячи студентов, провожая в последнюю экспедицию своего любимого профессора. Он умер в полном расцвете своих творческих сил, полный замыслов, планов и невыполненных намерений.

В марте 1958 года исполнилось 70 лет со дня его смерти.

Но его труды и мысли до сих пор живут в работах его учеников, многие из которых подняли выпавшее из его рук перо, понесли и развили его научные работы.

О нем, своем учителе и друге, тепло вспоминал в своих работах великий ученый И. П. Павлов, ссылаясь на его поддержку, вспоминая его шутки. «Он говорил обо мне, — пишет И. П. Павлов о М. Н. Богданове, — тебя собачка в люди вывела», — намекая, что опыты над собаками помогли ему создать свою теорию о деятельности центральной нервной системы. Книжки и рассказы Модеста Николаевича пользовались любовью в семье Ульяновых.

В 1935 году в Симеизе, где я тогда работала, тяжело заболела моя маленькая дочь. Я вызвала доктора. Было уже часов 10 вечера, стемнело, а доктор все не шел, и не было уже надежды на его приход.

Но вот раздался стук, и в комнату вошел человек, очень похожий на любимого детьми доктора Айболита, с бородой, в парусиновом пиджаке и в панамке, с фонарем «летучая мышь» в руке.

Это был доктор Симеизской поликлиники Зборовский — ученик М. Н. Богданова. Лет 35 проработал он в татарской

деревушке, изучил татарский язык, днем и ночью карабкался по горам, оказывая помощь на дому после долгих часов амбулаторного приема. Всегда находилось у него доброе слово для детей и конфета в ящике стола. «Этой любви к детям научил меня мой учитель — М. Н. Богданов, — говорил Зборовский. — Он читал у нас «Зоологию беспозвоночных», любили мы его. Он уже болен был, ходить не мог, приезжал на лекции на извозчике. И сразу раздавался звонкий детский крик: «Дедушка приехал!» Это кричали, выбегая из своих комнаток, большие друзья Модеста Николаевича — дети сторожей и другого обслуживающего персонала, живущего при университете. Они окружали Модеста Николаевича, и начиналась раздача гостинцев, которыми были набиты карманы профессора.

✓ Наши советские дети любят родную природу, любят и охраняют животных и птиц. Их любимым местом экскурсий является Московский зоологический сад. Но никто из них не читал книжек, написанных для детей М. Н. Богдановым, и никто из них не знает, что вот этот любимый ими зоопарк и музей при нем основал «дедушка» М. Н. Богданов в ту тяжелую пору, когда в России отечественная наука не поддерживалась правительством и надо было иметь горячее сердце, крепкие нервы и настойчивый характер, чтобы добыть хотя бы жалкие крохи для развития науки.

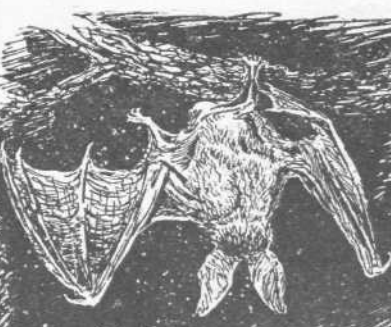
В нашей стране партия и правительство ценят и берегут научную мысль и работников науки. Тысячи научных учреждений, прекрасные лаборатории, богатые ботанические и зоологические сады открыты нашим детям.

Они празднуют веселые праздники природы: День древонасаждений, День птиц. Я видела, как школьники Херсона с оркестрами, в костюмах птиц, с бумажными голубями на груди, неся в руках скворечники всевозможных цветов и конструкций, шли на демонстрацию в День птиц.

По всей стране поднимаются деревья, посаженные руками школьников.

И, глядя на их веселые, оживленные лица, видя их в кружках юннатов, на колхозном поле, и селекционной станции, хочется сказать им слова русского зоолога-путешественника М. Н. Богданова: «Любите жизнь, любите природу, трудитесь, чтобы быть полезными, будьте полезны, чтобы быть любимыми».

Г. Богданова

ОТ АВТОРА

И

ЗДАВАЯ эту книжечку, я хотел оказать моим читателям посильную услугу, облегчив их знакомство с теми животными,

которые живут около нас. Рассказы из быта животных занимают видное место в детской литературе всех народов, потому что все живое, движущееся, поющее, кричащее по преимуществу привлекает молодого наблюдателя.

Не придавая какого-нибудь особого значения этим рассказам, я думаю, однако, что они кому-нибудь пригодятся, потому что в них нет ни лжи, ни вымысла.

✓ Меня спрашивали, зачем я придумал такое название — «Мирские захребетники». Отвечу, что я не придумывал его: это — произведение народного юмора, которым я только воспользовался. Мирскими захребетниками в народе зовут в насмешку нищих, убогих, калек переходящих, малых, старых, ленивых — словом, всех, кто жует чужой хлеб или вообще живет за мирской спиной. И мне кажется, что это название вполне подходящее ко всем тем животным, о которых идет речь в этой книжечке.

Модест Богданов

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Н

УЖНО ли говорить: кто они, где они, эти мирские захребетники. Оглянитесь. Они здесь кругом вас, около вас, над вами и под вами, наконец, на вас самих.

Нет дома в целом мире, который бы был свободен от их постоя. Нет человека, который бы не испытал неприятности от этой пестрой толпы дармоедов, живущих на наш счет. Выстройте шалаш или роскошный дворец, в лесной глуши или на самой людной улице первой столицы мира — не успеете вы кончить крышу вашего дома, как уже в нем появятся незванные, непрощенные постояльцы. И каждый из них займет свое обычное место.

В подполье поселятся мыши и крысы. На чердаке приютятся голуби и летучие мыши. В деревянных застрехах уютные уголки будут заняты воробьями, галками. В верхних углах окон прилепят свои гнезда ласточки. Внутри дома, в комнатах, поселятся мухи, паучки и много другого народа, к которому мы до того привыкли, что и в голову не придет спросить себя: зачем они здесь? кто их звал? Мы только тогда обращаем на них внимание, когда они нам мешают спать, есть, заниматься делом, пор-

тят наши вещи или чересчур грабят нашу провизию. О! тогда мы вооружаемся и с озлоблением принимаемся истреблять мух, тараканов, мышей разными порошками, ловушками, отравленными бумажками и тому подобными средствами.

Трудно счесть, во что обойдутся нам крысы, мыши и другие мелкие домашние воришки, а еще труднее определить, как могут испортить нам жизнь мухи и тому подобные твари. А знаете ли, отчего мы с ними не можем сладить? Оттого, что не хотим ближе узнать их; они беспрестанно попадают на глаза; они слишком обыкновенны, и потому нам кажется, что мы их настолько знаем, что не стоит на них и внимания обращать.

Но это ошибочно. Мы гораздо больше знаем о чужестранных зверях, чем о нашей домашней мыши.

Кто не читал о термитах и их конусообразных, многоэтажных домах; а знаете ли вы что-нибудь о тех мелких желтеньких мурашках, которые живут в наших комнатах и нападают на все сладкое — пирожное, конфеты и сахар?

И мало кого мы знаем из захребетников, почему очень часто и не умеем отличить вредных от полезных.

Вот посмотрите. В жаркий летний день мухи снуют и жужжат в комнате, назойливо ползают по нашему лицу, садятся на кушанья. Но вы терпите. А стоит заметить в углу паутину и паука, мы схватываем щетку, чтобы вымести противное животное с его паутиной. Чем же провинился перед нами паук? К стыду нашему, можем ответить одно: «Да тем, что он паук». Нам и в голову не приходило узнать, зачем он тут поселился, что он делает, чем, наконец, он возбудил нашу ненависть. Но, кроме паука, сколько других постояльцев наших домов терпят напраслину совершенно незаслуженно.

Ужас и омерзение возбуждает в нас летучая мышь, случайно влетевшая в комнату. Чувство глубокого отвра-

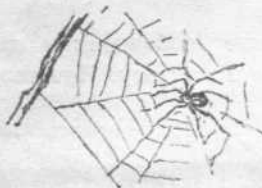

шения мы питаем к жабе, прискакавшей на балкон. Прилетит вечером сова и опустится на крышу дома — опять беда. Это вестник несчастья: убейте ее, гоните ее вон. Никто и знать не хочет, что летучая мышь, жаба, сова — наши лучшие друзья.

Итак, что же нам делать? Выметать пауков, истреблять летучих мышей, стрелять сов, потому что они нам противны? И за это терпеть всякие напасти от мышей, мух, клопов и других приятелей, с которыми мы не можем сладить!

Вольному воля! Если вам приятно просыпаться от укуса разной гадины; если вам доставляет удовольствие, чтобы ваши любимые платья были изъедены, чтобы ваши запасы провизии были испорчены, — идите изучать заморских зверей в зоологическом саду, не то читайте иллюстрированную жизнь животных и будьте довольны вашим незнанием. Оно очень выгодно мирским захребетникам.

Иное дело, если вы хотите жить хорошо, покойно, есть вкусно, крепко спать после дневного труда; если вам дороги все те вещи, которые вы купили на трудовые деньги; если, наконец, вы хотите справедливо относиться к окружающим вас существам и хорошо различать между ними злых и добрых, вредных и полезных и каждому воздать по его заслугам, то будем изучать их. Но помните условие, необходимое для успеха нашего дела: будем внимательны, терпеливы и беспристрастны, отбросим в сторону все предвзятости. Да не будет для нас ни противных, ни милых, ни злых, ни добрых, ни вредных, ни полезных. Постараемся узнать, кто с нами живет; зачем поселились эти жильцы; что они делают; кто их друзья и враги и как они относятся к нам самим.

МЫШЬ

К

ОГДА-ТО, давно, давно, старая няня, укачивая меня, рассказывала сказку про муху-бабуху и мышь-говоруху.

Я был тогда очень маленький и не умел еще как следует говорить; но помню, что сказочка няни не дала мне спать до самой полуночи. Так мне захотелось видеть эту мышь-говоруху. Расспросить няню я не умел и решительно не знал, кто это такая мышь-говоруха. Долго ли, коротко ли прошло, уж не помню, только сидел я раз на мягком диване и играл своими куколками. Няня вышла зачем-то. Остался я один. Вдруг из-под комода выставилась мордочка, хорошенькая, серенькая, с черными глазками, с ушками-торчушками. Я испугался и притих. Немного погодя мордочка зашевелилась, высунулась вперед; показалась серая спинка и длинный хвостик. Мне ужасно захотелось схватить ее. Но только что я пошевелился, чудный зворок пропал. Ах, как мне было досадно! Приходит няня, я рассказываю ей, что видел. «Да это мышка», — говорит. Так вот она какая мышь-говоруха! С тех пор я стал отчаянным мышеловом. Я пускал в ход всякие ловушки

для ловли мышей. Много раз держал их в клетках или между оконными рамами. Но прошло много лет, прежде нежели я познакомился с мышью-говорухой. Я даже забыл сказочку няни, зато могу сказать вам, что мышь-говоруха, мышь-певунья действительно есть.

Близкое знакомство с мышью не сделало меня ее врагом. Я не разделял того отвращения, которое питают к ней многие. Это хорошенький, красивый и умный зверок, который провинился перед человеком тем, что поселился в его доме, найдя тут даровую квартиру и стол. Но кто же виноват в этом? Человек или мышь?

Было время, когда мышка жила врозь с человеком, как живут теперь ее родственницы—полевые и лесные мыши. Она боялась человека, как все дикие животные, и убегала от него. Наступила осень, пошли дожди за дождями, земля промокла; дождевая вода затопила норку мыши, вымочила ее серенькую шубку. Мышка заболела; зубки ее стучали от лихорадки. Холод знобил ее; голод мучил ее, а есть было нечего. И вот она шмыгнула в хижину дикаря, прижалась к стенке между камнями. На полу, среди хижины, ярко пылал костер, разливая кругом теплоту.

Хозяин с семьей ужинали около костра, тут же на полу мышка грелась, смотрела и завидовала. Ужин кончился; обитатели хижины уснули. Костер догорел и потух. Стало совсем темно. Тогда мышка набралась храбрости. Тихо, осторожно вылезла она из щелки и пошла шарить по полу. О, счастье! Ей попалась корочка хлеба; она с жадностью съела. Нашла другую, третью и понаелась так, как никогда не едала. Кто-то пошевелился и зашумел: мышка, не помня себя от страха, бросилась в щель и спряталась там; спряталась и заснула сладким сном. А во сне ей виделись вкусные корочки.

Полевая
мышь

Лесная
мышь

Наступило утро. Дождь лил по-прежнему; попробовала мышка отправиться в свою норку: вымокла, запачкала свою шубку и снова вернулась в хижину. Спряталась в щель между камнями и стала рассматривать внутренность хижины. Там ходили и работали люди; бродили между ними собаки, подбирая куски и крошки, валявшиеся на полу. Снова запылал костер под вечер. Долго люди сутились около костра; что-то клали туда, вынимали, и, наконец, вся семья уселась есть, как вчера, а затем улеглась спать. Костер вспыхивал то ярче, то слабее и, наконец, потух. Мышка сделалась уже смелее; она обошла всю хижину, общарила все уголки, поела крошек на полу; но этого мало, она отыскала в выдолбленном куске дерева целую кучу хлебных зерен; закусила тут еще раз, да так плотно, что и сказать нельзя. Вы поймете, что на другой день, хотя солнце светило и жгло по-летнему, у мыши прошла всякая охота искать свою холодную, мокрую нору. День шел за днем. Мышь все более привыкала к своему новому жилищу, к своим хозяевам. Она знала, где лежит все съедобное, и дошла до того, что даже страх ее прошел.

И вот как-то раз среди дня она вздумала прогуляться по хижине, чтобы перекусить что-нибудь; но только что вышла из щели, большая косматая собака с шумом вскочила и бросилась на нее; однако мышь вовремя успела скрыться в норку. Она так испугалась, что всю ночь и весь следующий день просидела там; но голод заговорил, и на следующий вечер, как только костер потух, она снова пустилась на поиски; наелась, напилась и спряталась в щель.

Недели шли за неделями, прошла холодная зима, наступила весна, а за ней лето. Мышь обзавелась семьей. Пробовала было снова зажить вольной жизнью, но вышло как-то неудачно: в тот год хорьков, ласочек, ежей, змей и других врагов мыши было почему-то больше. Всех ее деток поели до последнего; и рада была мышка, что сама

Горностай

Ласка

Хорек

287962

уцелела. Тогда она снова вернулась в хижину человека и порешила не уходить из нее. Мышь не ошиблась. Жизнь ее пошла как по маслу. Корму вдоволь; хорьки, ласочки и другие враги, как оказалось, сами боялись человека и не смели приближаться к хижине. Зажила тут наша мышка припеваючи, обзавелась новой семьей и дожидла до глубокой старости.

Годы шли за годами, дети и внуки мыши обжились в хижине, привыкли к человеку. Протекли незаметно многие тысячи лет, и мыши забыли свои прежние жилища в полях и лесах. Привольно им жилось около человека, но они научились горьким опытом, что и его следует бояться. Приволье жизни, неистощимые запасы зерен и другой пищи, которую собирал человек, дали мышам возможность размножиться, а чем больше их разводилось, тем больше они съедали у человека, и наконец он стал замечать их воровство. Тогда-то началась война против мышей. Человек не упускал случая убить маленького воришку. Он натравливал на мышь собак. Он замазывал и затыкал все щели в своей хижине. Наконец, он приручил кошку. Он стал подвешивать на стенах и к потолку мешки и корзины с провизией, но было уже поздно. Мышь так обжилась в хижине, что выгнать ее не было возможности. Она стала прятаться от человека, следила за его движениями, за его собаками и кошками, целые дни проводила в своей норке, а зато ночью, когда все спало, она хозяйничала на широкую ногу. Ее крепкие зубы быстро прокладывали ей дорогу внутрь хижины. Ее цепкие когти служили ей исправно, чтобы пробраться к мешкам и корзинкам с провизией, где бы они ни были подвешены. И вот, мало-помалу, умудренная опытом, мышь стала полной хозяйкой в наших домах. Ни стены домов, ни крепкие полы и двери не представляют для нее препятствий.

Прислушайтесь. Только что погасили свет, только что все улеглось и затихло в доме — в разных уголках начинается шорох. Горе вам, если вы услышали его! Вы долго не заснете. Мышь настойчива, и если раз ей показалось, что у вас в шкафу есть что-то вкусное, она, не задумываясь,

принимается за работу. Осмотрит шкаф кругом, понюхает то тут, то там, попробует зубами и найдет-таки такое место, где легче всего прогрызть дырочку. Тотчас же зубы пускаются в ход. Она грызет час, два, целую ночь, спрячется на день, чтоб приняться за работу в следующую ночь, и, наконец, проникнет в шкаф. А затем уже она полная хозяйка там. Зачем вы не обратили внимания на мышей? Зачем вы вовремя не предупредили воровство? Вам было лень встать с постели. Вы предпочли двадцать раз постучать в пол, чтоб испугать мышь. Полюбуйтесь же теперь: вот ящик шкафа, где вы сложили самое тонкое, самое дорогое платье, которое надевается лишь в тех случаях, когда хотите принарядиться. Посмотрите, оно прогрызено, да так, что и поправить его нельзя. Из этих огрызков устроено гнездо, а в нем, на подстилке из кусочков кружев... копошатся семь штук слепых, красненьких, голых мышенят. Скажите, кто же виноват, вы или мышь? Вы выместили свою злобу на несчастных мышатах, но что же в этом толку? Мышь осталась и отомстит вам в свою очередь. Она заберется в кладовую и возьмет свою долю из вашей провизии. Вы очень ловко привесили окорока на гвоздики, вбитые в балки, которые поддерживают потолок, и успокоились. Без лестницы никто туда не залезет. А это что такое? В самом лучшем окороке проедены дыры. Его кто-то попробовал. Ах, противные мыши! Но позвольте: зачем же вы держите Ваську-кота? Что у вас делает любимая кошечка Машка? Ведь, кажется, их дело — ловить мышей. А на поверку выходит, что Машка и Васька мурлычат, ластятся к вам, а мышь все-таки хозяйничает. Хозяйничает везде: в спальне, в библиотеке, в кладовой и на кухне, в погребах и амбарах, в подвалах и конюшнях — везде, где есть что-нибудь съедобное. В жилом доме, где есть запасы провизии, мыши накидываются только на нее,

но как только выедут из дома, запрут его, для мышей настоящая масленица. У них идет пир горой. Они поедят всю провизию, которая плохо положена; их разведется громадное количество. Но затем наступит бескормица — и они накинутся на мебель, на обувь, на книги и перепортят все, что только доступно мышинным зубам.

Слов нет, за все эти гадости человек не может любить мышь. Но повторяем: виновата ли она, что ей хочется жить? Виновата ли она в том, что ее просвещенный хозяин, владеющий силой пара, телеграфами, телефонами, не может избавиться от крошечного зверька? Давно когда-то, во времена глубокой древности, человек догадался приручить кошку, думая, что она избавит его от мышей. С тех пор прошло много времени. Кошка сделалась любимцем человека, но мыши не перевелись. Если вы будете кормить вашу кошку сливками, вкусным жареным, она будет мурлыкать, увиваться около вашей ноги, будет чистить свою мягкую шубку; но согласитесь, что ей за охота караулить и ловить мышей? Иное дело, если мы познакомимся хорошенько с жизнью мыши; мы увидим тогда, что у нее много врагов более страшных, нежели жирный кот Васька.

В деревенские дома, погреба и амбары нередко заглядывают хорьки, горностаи и маленькие ласочки.

На крышах тех же амбаров очень часто в лунную ночь вы увидите сову. Вот это враги мыши, которые не чета вашему Ваське. Поселится в строении ласочка — конечно, нет ходу мышам. Ее тонкое тельце на коротких ногах проникнет всюду, в каждую мышиную норку, и она скоро переведет всех мышей до последней.

Заберется ли мышь, чтоб ограбить сад или огород — там ее ждут те же враги, да в придачу — колючий еж. Наконец не забудем тех маленьких, косматых, серых собачек, которых зовут крысоловками. Кроме того, у нас есть еще средство, чтобы сладить с мышами. Возьмем просто битое стекло, истолчем его и, размешав с сахаром, рассыплем по щелям, и тогда увидите, мышей убудет.

Наконец, будем настойчивее мыши. Станем аккуратно заделывать все дыры, которые она прогрызет. Не будем ставить зря нашу провизию; тогда, поверьте, мышей не будет совсем.

Тогда наша злоба на мышку смягчится, и может случиться даже так, что мы полюбим ее; а полюбить ее можно. Поставьте ловушку. Поймайте одну, другую, третью мышку, посадите их в проволочную клетку или просто пустите между оконными рамами; но устройте там так, как делают канатные плясуны: натяните шнурочки в разных направлениях, наставьте гладких, тонких палочек; прикрепите к косякам окна разные игрушечные домики и вот теперь полюбуйтесь на мышь. Она цепка, как обезьянка, и не хуже любого клоуна или канатного плясуна будет лазать вверх и вниз по этим прутикам и шнурочкам. Она много раз позабавит вас ловкостью своих движений. Обращайтесь с нею осторожно, ласково, не пугайте ее, и она скоро привыкнет, будет подходить к рукам, брать от вас пищу; тогда поверьте, что этот противный враг доставит вам больше удовольствия, нежели глупая, мурлыкающая кошка, нежели злая и досадливая обезьяна.

А вот если бы вам попалась мышь-говоруха, то, конечно, вы не сменили бы ее на заморского диковинного зверя. Только она попадается редко, так редко, что даже ученые каждый раз пишут о ней в журналах. Это так называемая певчая мышь. Лет двадцать назад, поздно вечером, читал я книгу; все уже спали в доме; царила глубокая тишина. Вдруг слышу раздаются какие-то странные звуки, похожие на пение птицы.

Прислушиваюсь внимательнее — поет в моей комнате, как раз под шкафом с книгами. Только что я пошевелился — песня смолкла. Я притих, и минут через пять снова раздались веселые трели, но на этот раз уже под кроватью. Сомнение исчезло. Это мышка-певунья, мышь-говоруха, которую я тщетно искал много лет; и я дал себе слово поймать ее во что бы то ни стало. Расставил ловушки и в следующие дни поймал несколько мышей, посадил их в клетки; но — увы! — они не пели. Наконец счастье улыбнулось мне.

Мышка-певунья была поймана, посажена в клетку и не замедлила выказать свой музыкальный талант. Ничего в ней особенного не было. Мышь как мышь: здоровая, бойкая. Она жила у меня больше полугода; скоро привыкла, сделалась ручной, но только всякий внезапный шум пугал ее.

Она устроила себе гнездышко из ваты, которую я положил в клетку, и сидела в нем целые дни молча; но как только наступит вечер, утихнет шум, улягутся спать — мышка выходила из гнезда, ела, пила, чистила свою мордочку и шубку, проворно лазала по клетке и пела, да так хорошо, что издали можно было принять ее за птицу. Забавно бывало смотреть на нее, когда она усядется на задних лапках и начнет выводить свои трели. Я показывал ее многим как диковину, и все убеждались, что действительно есть поющие мыши¹. Но объяснить этого странного явления никто не мог. Я и сам не понимал его долго.

Дело объяснилось, однако, случайно, но вместе с тем очень просто.

Во время моего путешествия в Хиву, через пустыню Кызыл-Кум, наш караван остановился на отдых среди холмов сыпучего песка, около колодца. Страшная жара утомила и нас, и животных. Я слез с лошади и, в то время как развьючивали верблюдов и готовили обед, прилег на войлоке отдохнуть. Вдруг слышу знакомое пение, очень похожее на пение моей мышки. Смотрю: около норки, на склоне песчаного бугра, сидит маленький рыжий зверек, с пушистым хвостиком, сидит на задних лапках, поглядывает по сторонам и распевает.

Это была песчанка — один из тех мелких зверьков, которые во множестве живут в песчаных пустынях.

Песчанки очень похожи на мышей, но они крупнее и хвост их покрыт пушистой шерстью. Они питаются семенами саксаула и других пустынных растений. Живут в норах, которые вырывают в песке, целыми семействами и колониями. Наевшись, песчанки резвятся, бегают по

Песчанка

¹ Наблюдений над «поющими» мышами сделано очень немного. Стоило бы последить за домовыми мышами и поискать среди них «поющих». (Примеч. ред.)

песку, играют между собой, точь-в-точь как наши мыши. Но в это время на вершине холма, недалеко от норы, сидит непременно старая песчанка. Это часовой, который зорко стережет врага и в то же время распевает свою песенку. Вот из-за соседнего бугра выглянула хитрая мордочка, с зелеными лукавыми глазами, с большими ушами. Она то покажется, то исчезнет. Заметил ее часовой, свистнул, бросился в нору — и мигом скачут туда все песчанки. Вскочил из засады корсак — маленькая степная лисичка, но уже поздно, поживы нет; не достать ему песчанок в глубокой норе. Плетется голодный корсак дальше, авось где-нибудь попадется песчанка. С наступлением зимы многие песчанки, побуждаемые голодом и холодом, забиваются в кибитки кочевников; там эти зверушки заменяют наших мышей. Но здесь вы не услышите их песни; вы не увидите их днем. Они прячутся и живут молча, стараясь не выдать себя, и выходят грабить хозяйское добро только ночью. Точь-в-точь наши мыши.

Вы догадаетесь, что песня мышки есть старая привычка ее диких предков; когда мыши жили вдали от человека, они пели подобно песчанкам; но, поселившись в домах, мыши утратили эту особенность.

Но наследственность привычек так велика, что она иногда проявляется у мышей, правда, у немногих. Эти-то мыши-певуньи и послужили для сказки о мышке-говорухе, которую мне рассказывала старая няня.

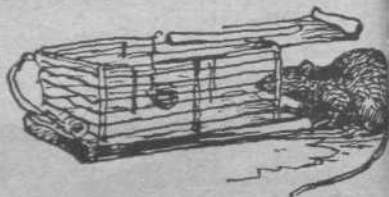

КРЫСА

М

НОГО неприятностей доставляет нам мышь; но, как видите, она может доставить и удовольствие, чего нельзя сказать о другом нашем жильце — крысе. Это злейший наш враг. Это противнейший из захребетников и по виду, и по качествам. Это увеличенный портрет мыши, но со злой, хищной физиономией. Вред, причиняемый человеку мышью, ничтожен по сравнению с тем вредом, который делают нам крысы. Они живут в подпольях и на чердаках домов, в погребах, кладовых, амбарах, конюшнях, на скотных дворах, в птичниках, на мельницах и в ригах, также и на судах, плавающих по рекам и морям. Они населяют каналы, где проведена вода, куда стекают нечистоты из домов больших городов, и нет, кажется, ни одного сооружения, сделанного руками человека, где бы ни поселились эти противные гадины.

Они едят все, кроме металлов. Они обжорливы до неве-

роятной степени. Их крепкие зубы пролагают ход даже через стены деревянных домов. Штукатурка, самый камень не всегда служит им преградой.

Смелость, наглость, злоба и хитрость — отличительные свойства крыс, перед которыми бессилён человек, со всеми его кошками, ловушками и отравами. Как вы ни ухитряйтесь изловить крысу — она обманет, проведет вас, обойдет все ваши ловушки. Она бросится первая на жирного кота Ваську, обратит его в бегство и обокрадет вас наилучшим манером.

В самых цивилизованных государствах, в больших столичных городах, где чистота и опрятность домов доведена до высшей степени, крыса — такой же полновластный хозяин, как и в заброшенной деревушке. Десятки тысяч франков платит Париж крысоловам. Миллионы крыс истребляют они ежегодно, но число этих гадов не убывает. Преследование делает их только хитрее и злее. Трудно исчислить, сколько уничтожают и портят крысы. Они едят все съедобное в кладовых, погребах и амбарах. Они поедают корм у наших домашних животных и заставляют их голодать. Мало того, они с наглостью бросаются на лошадей и коров, кусают им морды, чтобы отогнать от корма. Они заедают цыплят, даже взрослых кур и других домашних птиц. Были примеры, что они заедали на смерть откармливаемых свиней. Лютость и жадность этих противных тварей не знает границ. Редкая кошка решится на поединок с одной крысой, а с двумя — ни за что. И только собака, этот лучший друг человека, в состоянии справиться с этим несносным захребетником. Но и ей крыса не сдаётся без боя. Она защищается до последней крайности, жестоко кусает морду собаки, но, в конце концов, ей не жить.

Англичане уже давно уразумели, что только собака может считаться истребителем крыс. От бульдогов и маленьких комнатных собачек они вывели бультерьера — небольшую собачку с формами бульдога, с его храбростью и страшными челюстями. Благодаря этим качествам, бультерьер лучший истребитель крыс. Он подкарауливает их не хуже кошки, и горе той крысе, которая попала в его зубы.

Англичане употребляют бультерьера для травли крыс. В большой зале устраивается загородка с гладкими стенками. В назначенный час, когда соберется публика, в эту загородку выпускают до сотни крыс. Почуввав свободу, крысы разбегаются в разные стороны и, не видя исхода, в беспорядке толпятся на арене; наконец, является гладиатор — маленький бультерьер ростом с комнатную собачонку, с обрезанными ушами. Его бросают на арену. Крысы в испуге мечутся из стороны в сторону, наконец, сбиваются в кучу, и перед гладиатором целая живая стена зубастых морд с злыми, выпученными глазами.

Собака не задумывается ни на минуту. Очертя голову она бросается в эту кучу; справа и слева, снизу и сверху в нее впиваются крысы; но страшные зубы крысодава работают, как машина. Каждый взмах его челюстей стоит жизни одной из крыс. Он не слышит боли от укусов; он не считает своих врагов; он работает зубами и только. Пройдет час, полтора, и из крысиного батальона не останется ни одного воина. А зрители в это время с часами в руках наблюдают, долго ли продолжается битва. Забава эта бесчеловечна, зато англичане дали нам лучшего и надежнейшего истребителя наших злейших врагов, и если вам особенно надоедают крысы, то советую купить хорошего бультерьера. Он стоит недешево, достать его трудно, но, поверьте, он в год вам окупится.

Как ни противны крысы, а ведь и до них есть охотники. Между крысами бывают выродки — альбиносы, белые с красными глазами. Их иногда держат в клетках, где они отлично размножаются; и эти, выведенные в неволе, белые крысы делаются ручными, как собаки. Я недавно видел одну. Она бегаёт на свободе и живет в сигарном ящике. Хозяин сажает ее себе за пазуху. Она лазит по плечам и рукам, как ловкий матрос; позволяет вертеть себя в руках как угодно, не выказывая ни малейшего желания укусь. Она так незлобива, как редкая из наших собак. В ней нет ни малейшей тени страха перед человеком. Она преспокойно пьет чай из блюдечка своего хозяина, грызет булки, которые

тут лежат, залезет в сахарницу, и при всем том это очень чистоплотное животное.

Я помню еще одну крысу. У меня был товарищ — великий мастер приручать разных животных. Раз он поймал простую, обыкновенную крысу и не только сделал ее ручной, но еще выучил разным штукам. Она подавала ему поноску, как собака; стояла на часах, как солдат в кивере и с ружьем; притворялась мертвой, когда в нее стреляли. Эта крыса сделалась любимицей целого класса; но, увы! конец ее был печален. Раз в самый разгар представления входит надзиратель-немец. «Ви што делает? Ах, скверный животный; ах, гадкий малшик!» В один миг сверкнула в его руках линейка, и наша любимица повалилась мертвой; а хозяина ее немец буксировал за ухо и отвел в карцер¹.

Откуда взялась крыса — этого никто до сих пор не знает. Известно только, что она живет в домах с незапамятных времен; вдали от жилых мест — в лесах, степях и пустынях — крысы не водятся. В кулях хлеба крысу часто заносят на корабли, где она быстро размножается, а на пристанях, при разгрузке кораблей, сбегает на берег. Таким образом европейцы развезли крыс по всем частям мира.

В Европе водились в домах два вида крыс: черная, или настоящая домовая крыса, и рыжая, или пасюк. Последняя рослее, сильнее и злее. Там, где встречались обе крысы, черная вскоре истреблялась злым пасюком. Так случилось во всех больших и торговых городах. И черная крыса стала теперь большой редкостью. Ее находят еще кое-где в глухих деревушках, куда не успел проникнуть пасюк. Так, например, у нас черная крыса водится еще в некоторых местах Псковской губернии (области). Обе крысы также злейшие враги мышей; где заведутся крысы, там мыши скоро пропадают.

Но довольно. Мы долго занялись мышами и крысами потому, что это самые скверные из мирских захребетников,

¹ Карцер — комната для наказаний в средних учебных заведениях дореволюционной России. (Прим. ред.)

самые отчаянные и прожорливые воры, которым не должно давать пощады.

В наших домах еще есть зверки. Одни из них живут постоянно, например летучие мыши; другие приходят на время погостить. Гости по большей части посещают нас как осенью, так и зимой. Это главным образом родня крысе и мыши: лесная и полевая мыши, полевочки, хомяки. Мыши и полевочки забираются иногда в кладовые и амбары; хомяк — в подвалы, где хранятся овощи и картофель. Но загоститься им долго не дают богатые родственники — домовые крысы и мыши: живо прогонят непрошенных, а то и заедят вовсе.

Осенью заберется иногда в жилище наше крохотный зверок — меньше мыши: это кутора, или землеройка. О, какой переполох пойдет в подполье! Мышиный писк слышен днем и ночью; возня и кутерьма идет там страшная. Это кутора воюет с мышами. Горе той, которая попала в зубы куторе — она будет съедена. В короткое время кутора очистит от мышей все подполье.

Проникает туда еще мышиный враг — ласочка; от этой достается не только мышам, но и крысам. Ласочку следовало бы благодарить за такую услугу; но беда в том, что она не дает пощады и домашней птице.

Еще хуже достается нашим птицам от других гостей — хорька и лисы. Но, к счастью, они, особенно лиса, редко заглядывают к нам. Да и вообще с ними легче справиться при помощи собак, чем с крысами.

Хомяк

Кутора

Полевка

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

К

ОНЕЧНО, вы их видели. Может быть, вчера, на днях, не то прошлым

летом. Помните, после жаркого дня вы пили чай на балконе; вечер был так хорош. Один за другим смолкали дневные звуки. Угмонились воробьи, сороки, куры. Утомленные зноем длинного летнего дня, все животные искали покоя; да, все, кто работал, но работали далеко не все; множество животных целый день спало в укромных уголках, куда не проникает свет. Зато теперь, когда солнце скрылось, когда потухла вечерняя заря и начались сумерки, эти ночные деятели покидают свои убежища и один за другим вылетают и выходят на добычу.

Смотрите, сколько бабочек, жучков вьется около пламени свечи! С каждой минутой их больше и больше. Ни одного из них мы не видали днем, потому что они спали. Но... что это? Словно тень какая мелькнула в воздухе и... пропала. Вы вздрогнули даже. Вот она мелькнула опять. Вам объяснили, что это летучая мышь, и прибавили, вероятно, что это злое и противное животное, что она вцепляется в волосы и кружится

около тех, кто одет в белое платье. Сознайтесь, что с тех пор вы стали питать к летучей мыши страх и отвращение. А все-таки вы не знаете ее; может быть, даже и видели-то ее только на рисунках. Успокойтесь, я не осуждаю вас за этот страх, за эту слепую нелюбовь к летучей мыши. Издавна люди всех стран, где только есть летучие мыши, их не любят; рассказывают про них нелепые басни и истребляют без пощады. Но помните наш уговор: относиться беспристрастно к каждому из тех существ, которые живут с нами, потому что иначе нет возможности изучить их. Вот ведь вы не любите и боитесь летучей мыши, хотя даже близко не видали ее.

А между тем это не только безвредное, но одно из самых полезных животных. Это удивительно странное существо, загадочное даже для ученого. Летучая мышь покрыта шерстью, питает своих детей молоком; но как она не похожа на других млекопитающих! Все тельце ее сжато в комочек; короткая, неподвижная шея увенчана маленькой головкой с крохотными глазками и огромными ушами. Эти уши голые, с узорчато-вырезанными краями, а внутри, около слухового прохода, сидит добавочный выросток, какого нет у прочих млекопитающих; его называют козелком, и он может закрывать слуховое отверстие. Задние ножки летучей мыши короткие; пальцы их тоже укорочены и снабжены крючковатыми, большими когтями.

Самое замечательное у летучей мыши — ее передние ноги, превращенные в крылья; все кости их вытянуты и удлинены. Только большой палец сохранил свой вид и снабжен крючковатым когтем; остальные четыре чрезмерно вытянуты и без когтей; между каждым из них, начиная со второго, протянута тонкая, растяжимая кожаная перепонка. Такая же перепонка протянута от задней стороны пятого пальца и всей передней ноги до боков туловища и задней ноги. Между задними ногами и хвостом тоже протянута перепонка. Вся эта перепонка и составляет крыло летучей мыши. Растянув перепонку и быстро махая

Ухо и крыло
летучей мыши

передними ногами-крыльями, мышь несется по воздуху, делает бойкие, смелые повороты, не хуже любой ласточки.

Летучая мышь может летать долго и безостановочно, как ласточка. Устанет — прицепится задними ножками к сучку дерева, к крыше, к забору, повиснет головкой вниз; пройдет минута — отдышалась, снова порхнула и исчезла из глаз в сумраке ночи, словно привидение.

Но зато на земле или вообще на твердой и ровной поверхности это самое жалкое существо. Она едва ползает, опираясь на большой палец крыла и на задние ножки. Движения летучей мыши на земле до того медленны, что ее перегонит любая черепаха.

Подобно птице, в организме летучей мыши все пожертвовано для полета по воздуху, все изуродовано. Изуродованы даже органы чувств. Посмотрите на любое другое млекопитающее — лошадь, собаку, корову. Подвижное ухо, светлый блестящий глаз, мягкие подвижные губы, широкие ноздри — все это пропорционально, все это придает выразительность голове животных. Какой жалкий урод в сравнении с ними летучая мышь!

Глазки крошечные, как бисеринки, без малейшего выражения. Короткая тупая мордочка с широким носом. Рот почти до самых ушей. А уши, уши! Какой осел или заяц может сравниться ушами с летучей мышью? Словом, в физиономии летучей мыши есть все, что может оттолкнуть от нее, и нет ничего симпатичного.

Между тем эта физиономия выработалась не случайно и служит лучшим примером приспособлений, которых множество в природе. Летучая мышь — деятель ночи. Поэтому ее органы чувств приспособлены к работе во тьме. Глаз оказался при этом бесполезен, оттого он уменьшился донельзя. Один итальянский ученый, знаменитый Спалланцани, хотел испытать зрение летучих мышей. Наловив их, он одних ослепил совершенно, другим заклеил глаза и пустил летать по комнате, где в разных направлениях были протянуты шнурки, нитки и другие преграды. Летучие мыши, даже совсем ослепленные, ни разу не задели

ни за что, хотя летали по комнате так же быстро, как на воле; ни одна из них не ударилась об оконное стекло.

Чем же руководятся тут летучие мыши? Их слуховой орган, ухо, достиг такого высокого совершенства, как ни у какого другого животного. Малейший звук, издаваемый крыльями ночной бабочки или крохотного жучка, летучая мышь слышит на десятки сажен. Ее слух так чувствителен,

так тонок, что дневные звуки ей невыносимы. Поэтому, спрятавшись на день, летучая мышь складывает веером ушную раковину, а слуховой проход плотно прикрывает козелком.

Но одного слуха недостаточно для движения впотьмах. В ночной тишине легко натолкнуться на что-нибудь твердое; поэтому, бродя впотьмах, мы протягиваем руки вперед, стараясь ими ощупать попадающиеся предметы. При быстром полете летучей мыши такой способ ощупывания невозможен. Но тем не менее она руководится чувством осязания, которое помогает слуху. Крыло летучей мыши — это чудный, лучший осязательный орган. Между складками кожи крыла лежит тонкий пласт, прозрачный и растяжимый, как резина; по нем дивным узором рассеяны ветвистые кровеносные сосуды и белые, тоже ветвистые, жилки — нервы. Но, махая крылом по воздуху, летучая мышь осязает, ощупывает все предметы на известном расстоянии так же хорошо, как если бы мы пальцами прикасались к ним. Это объясняется очень просто. Воздух отличается упругостью. При взмахе руки или крыла воздух движется свободно по направлению удара; но если на пути встретит твердое тело, то отскочит назад, как гуттаперчевый шарик, и ударит в руку или крыло; если есть в них чувство осязания, то обратный удар воздуха легко почувствовать. Но этого мало; удар струи воздуха в твердый предмет приводит последний в сотрясение; предмет этот колеблется из стороны в сторону и производит звук; а звук, даже самый малейший, легко услышит дивное ухо летучей мыши. Вот почему, какую бы тонкую сетку ни протянули в воздухе, летящая мышь, летящая с быстротой стрелы, не попа-

дется в нее благодаря своему осязанию и слуху. На помощь этим чувствам есть еще у летучей мыши обоняние. В южных странах — в Крыму, на Кавказе, в Греции, Италии — живет целая группа летучих мышей, называемых подковоносами. Назвали их так потому, что над кончиком носа у них есть складка кожи, похожая то на подкову, то на лист. Эта складка кожи стоит вертикально и ловит при полете мыши запахи и ароматы, носящиеся в воздухе. Юг богат плодами, сладкими, вкусными и пахучими. Запах этих плодов привлекает насекомых; а так как летучие мыши питаются насекомыми, то, конечно, руководимые запахами, летят к плодам, где порхает их добыча. На севере пахучих плодов мало, потому и подковоносов у нас не водится, а есть летучие мыши без листочка на носу.

Жизнь летучей мыши тоже полна странностей. Большая часть жизни ее проходит во сне. С наступлением осени — в сентябре, и даже еще в августе — летучие мыши исчезают и не показываются. Достоверно известно, что они не улетают на юг, как птицы. Нет, они прячутся в свои потаенные убежища целыми общинами; прижмутся друг к другу плотно, уцепятся задними ножками за что-нибудь, повиснут вниз головой и заснут до будущей весны, т. е. до мая.

Весной, когда лес уже оденется зеленью, когда цветение трав в самом разгаре, когда бесчисленные насекомые заснуют по воздуху, наполненному ароматом цветов, — тогда только летучая мышь просыпается, расправляет крылья и на вечерней заре летит на добычу.

Нет возможности уследить глазом, за кем гоняется летучая мышь по воздуху. И только если застрелить ее, узнаешь, чем она питается. Все сумеречные и ночные бабочки, жуки и другие насекомые служат пищей летучей мыши. Ее широкий рот вооружен крепкими зубами, из которых каждый снабжен несколькими острыми бугорками.

Вылетев на промысел, летучая мышь быстро носится вокруг своего жилища. Ее уши насторожены; козелки их отогнулись вперед; ее широкая пасть открыта. Горе бабочкам и жукам: летучая мышь хватает их направо и налево; ее зубы работают без устали; только крылышки и ножки жертв летят на землю. Час, два, три, с небольшими отдыхами, охотится летучая мышь, пока наестся досыта. Количество насекомых, съеденных ею в каждую такую охоту, должно быть громадно. Но, наконец, обжора насытилась; тело ее отяжелело; полет стал тише; усталость берет свое, и хищница летит в гнездо спать, чтобы перед утренней зарей опять поохотиться час-другой, а затем снова заснуть на весь длинный летний день.

Как же не быть обжорой летучей мыши? Просыпаясь в мае, она охотится все лето; но уже в сентябре, при первых заморозках, снова погружается в зимний сон; следовательно, деятельность мыши продолжается около трех месяцев, или девяноста дней; но в течение этого времени далеко не каждый день мышь вылетает на охоту. В дождь, в сильный ветер, во время тумана мышь ни за что не покинет своего убежища, так что из девяноста дней много, если она охотится пятьдесят. В эти пятьдесят дней ее охота продолжается от 3 до 5 часов ежедневно. Следовательно, в течение года каких-нибудь 150—250 часов, что составит от 6 до 10 суток в год, мышь ведет деятельную жизнь, остальные же 356 дней в году она спит. А в эти 6—10 суток она должна наестся на целый год.

Поэтому не знаешь, чему удивляться: страшному ли аппетиту мыши или ее способности выносить голод, быстрому ли полету или долгому сну и покою. В этом маленьком уродце природа соединила резкие крайности, каких мы не встретим ни в одном животном, и создала полезнейшее существо. Между истребителями насекомых летучая мышь занимает одно из первых мест. Не будь летучих мышей, леса давно бы погибли, исчезло бы на земле множество полезных растений.

Майские жуки, шелкопряды, свиноголовки и множество других вредных насекомых летают и вообще дей-

ствуют ночью; поэтому дневные насекомоядные животные их не могут преследовать; и не будь летучих мышей, вредители размножились бы в короткое время до того, что их гусеницы поели бы всю растительность.

Вот почему можно радоваться, если на чердаке дома поселятся летучие мыши — эти полезнейшие из мирских захребетников; они охраняют наши сады, огороды, поля от страшных врагов, с которыми бороться не может человек.

Летучая мышь невзыскательна; она охотно поселяется в дуплах деревьев, в расселинах каменных стен, под крышами домов, в старых, заброшенных пчелиных ульях — словом, везде, где найдется темный, сухой и тихий уголок; куда не проникает ни ветер, ни солнечный луч; где есть возможность скрыться от зноя и от мороза.

В таких уголках летучие мыши живут целыми колониями; здесь они размножаются и умирают.

Неприятный запах да порой слабый писк выдают такую колонию.

У летучей мыши мало врагов. Кошки, куницы и другие хищники не любят их, потому что у летучих мышей на крыльях есть железки, выделяющие пахучую жидкость, которая сообщает их телу противный запах и вкус. Сове не словить увертливую летучую мышь. Поэтому главными врагами мыши можно считать продолжительное ненастье летом, сильный зимний холод и человека.

Со времен глубокой древности человек сделался врагом летучей мыши. Как деятель дня, человек ночью робеет. Каждый звук, каждый крик, шорох пугает его. Воображение дикаря изобрело ночных духов — демонов, леших и т. п. Летучая мышь, по его мнению, исчадие ада, слуга нечистой силы. Басни о вампирах Южной Америки, высасывающих будто бы кровь у спящих людей и животных, укрепили нелюбовь и отвращение к летучей мыши. И вот лучшего своего друга люди считают злейшим врагом, залетит мышь в комнату — ее, наверно, убьют; найдут их гнездо на чердаке — вся колония будет истреблена. Нет, вы теперь не сделаете этого! Найдя жилище мышей,

вы будете оберегать его и защитите от глупых людей. Не правда ли? Вы повесите в вашем саду нарочно дупла и ящички, где могли бы приютиться летучие мыши. Зато ваш сад будет цвести и зеленеть; ваши яблоки, груши и ягоды будут расти в изобилии, потому что их бережет от воришек та же летучая мышь.

О том, что летучая мышь не знается с нечистой силой, и говорить не стоит, потому что леших и демонов никто и не видывал.

Летучих мышей водится в России до 20 видов. Они встречаются у нас везде, начиная с Архангельской губернии (области). Чем дальше на юг, чем больше насекомых, тем больше пород летучих мышей. Они живут, кроме жилищ человека, всюду: в лесах, около рек и озер, в степях и пустынях, где селятся в дуплах, под отставшей корой старых деревьев, в расщелинах береговых скал, в пещерах и гротах, даже в норах, делаемых птицами и зверями. Необходимое условие для поселения летучей мыши — обилие в окрестности насекомых.

Между нашими летучими мышами резко выделяется ушан, у которого уши длиннее половины тела. Другие виды мало различаются между собой. Зовут их кожанами, нетопырями, вечерницами, летучими мышами, упырями. Особенно крупных видов у нас нет. Самый большой с воробья и вершков 8 (36 см) в размахе крыльев; но есть вдвое меньше.

В Крыму и на Кавказе водятся еще два или три вида подковоносов.

ТО не знает ласточки? Найдется ли в Европе народ, который бы не любил этой резвой, красивой, безобидной птички? Не знать ее нельзя, потому что все лето она вертится перед глазами в воздушной синеве; нельзя и потому, что и живет-то она вместе с нами, в наших домах. Нет такого большого города, где на самой главной улице, в верхнем углу окна, не решилась бы слепить своего гнезда городская ласточка. или воронок; нет той деревушки, чтоб в ней, под крышей какого-нибудь сарая, у перекладины, не прилепила свое гнездо-чашечку деревенская ласточка, или косаточка. Эту последнюю особенно любит русский народ. Для него косаточка — эмблема счастья, свободы, веселья и добродушия.

«Ах ты, моя косаточка!» — говорит старуха любимой своей внучке-резвушка. Про нее поет народ в песнях. О ней сложились у него некоторые поговорки. Она служит ему вестником настоящей весны, начала ярового сева. По ее движениям летом он узнает наступающую перемену погоды. Разорить гнездо косаточки, повредить ей чем либо — в деревнях считается большим грехом. Совет гнездо косаточка в новой конюшне или сарае — хозяин

или хозяйка радуются; по их мнению, это знак, что постройка простоят долгие годы. Словом, ласточка-косаточка в деревенской жизни — важное лицо.

Городской ласточке-воронку и сотовой доли нет того почета. Никому она не нужна; никто ее не замечает; и счастлива она, если не разорят ее гнездышка ради чистоты окна.

Две сестры, а доли разные. Посмотрим, отчего это так вышло. Познакомимся поближе с жизнью ласточек. Различить их легко, даже издали, на лету. У воронка голова, спина, крылья и хвостик черно-сизые, вороненые (отчего и прозвали ее воронком); шея, грудь, брюшко, надхвостье и перышки, одевающие ножки, — чисто белые.

У косаточки вся верхняя сторона черно-сизая, нижняя сторона белая, с рыжеватым оттенком, а лоб и горло рыже-красного цвета. Ножки у нее неоперенные. Главное же различие в том, что у воронка хвост короткий, слегка вырезанный на конце; у косаточки же хвост длинный; особенно крайние перья вытянуты в длинные косицы (оттого и название косаточки).

Воронки и косаточки водятся у нас по всей стране, доходя на север до 65° — 66° с. ш. Обе они живут почти исключительно в поселениях человека. Городская ласточка живет преимущественно в городах и гораздо реже в селах. Косаточка, наоборот, предпочитает села и деревни городам, хотя живет и в последних. Это пристрастие воронка к городам, а косаточки к селам зависит, главным образом, от устройства их гнезд. Воронки приспособились прилеплять

свое гнездо к каменным стенам, в верхнем углу окошек; гораздо реже и неохотно он устраивает гнездо в деревянных зданиях. Косаточка, напротив, почти исключительно строит гнезда в деревянных строениях. Вот почему воронки предпочитают города, косаточка — деревни; потому-то в деревне на сотню косаточек приходится всего несколько воронок, и крестьянин больше знает косаточку. Да сверх того, воронки молчаливы, не поют, а только хрипло чирикают; косаточка же рассядется в ясный день на крыше и щебечет громко, весело свою немудреную песню. Вот главные причины их разной доли, разного почета. В сущности же значение их в нашем хозяйстве почти одинаково важно. Но крестьянин, любя щебетунью-косаточку, не знал ее пользы; а горожанин и подавно не знал, чем обязан ласточкам. Польза же от них великая.

Пришла весна. Растаял снег даже в лесной глуши. Обсохли овраги. Кончился разлив на мелких реках; оголились луга и болота; густой зеленой щеткой пробивается на них молодая трава; зеленеют озимые поля. А все еще настоящей, коренной весны нет. Целые снопы лучей щедро бросает солнце на промокшую, окоченелую землю, стараясь согреть ее и вызвать к жизни растения, но воздух еще холоден. Нет, нет, да и подует северный ветер, нагонит облака, спрячет за ними землю и посыплет ее мокрыми хлопьями снега. Каждую ночь, если небо чисто, под утро мороз остудит землю и воздух; не силен этот мороз-утренник, но губелен он молодым, нежным росткам растений, только что выглянувшим на свет.

Но вот в начале мая в ходе весны наступает крутой поворот. Один денек в эту пору обыкновенно выдается так резко, что всякому делается ясно, что весна наступила.

Тишина стоит в воздухе, охлажденном утренником. Едва успело солнышко показаться над горизонтом, а чувствуешь уже могучую силу его лучей. Словно решило оно покончить с морозами, и снопы его ярких, жгучих лучей греют с особенной силой и землю, и воду, и воздух, и все живущее в них.

Наступает знойный полдень. Не пропустите эти часы. Смотрите пристальнее. Во всей природе, на глазах у вас, в несколько часов совершится великий переворот. Давно уже надулись почки на многих деревьях, но листья еще не показались; лес стоит голый.

В эти несколько часов первого дня настоящей весны как бы по волшебству вдруг начнут разворачиваться листочки. Можно глазами следить, как слабая зелень разливается по березовой роще; сильнее, сильнее, ярче, гуще. . . — и к вечеру вся роща преобразилась. Осина, ольха и другие деревья не отстают от своей товарки. Чудный аромат наполняет рощу от молодых березовых листочков, покрытых смолистой, пахучей жидкостью.

За первым днем следует другой такой же, третий, четвертый. Быстро развиваются травы на лугах и полянах; еще быстрее растут листочки. Солнце жжет немилостиво. Душно дышать от избытка паров, — марит, говорит народ. Но вот на западе, на самом краю неба, показалось маленькое облачко. Одно, другое, целые десятки их всплывают в ясную синеву; а за ними движется тяжелая, серая

туча, заволакивая сплошь весь горизонт. Выше, выше, солнечные лучи застилаются. Далекий глухой гул пронесся в воздухе. Солнце скрылось совсем за тучей. Сверкнула молния, раздался первый удар грома, хлынул дождь крупными, тяжелыми каплями и полил потоком.

Весна открылась во всей ее чудной красе. Не обсохла еще земля от дождевых потоков. Самоцветными камнями висят на листьях дождевые капли. А жизнь и движение чуются всюду и везде. Птицы и

насекомые снуют в воздухе. Птичьи песни наполняют и леса, и поля, и долины рек. Даже угрюмый лес и тот, кажется, радуется в эти минуты.

Идет, гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний Шум.

И благо тому, кто не проспит этот великий праздник весны, кому удастся быть на веселом пиру природы.

Взгляните вверх, в эту чистую, чудную лазурь неба. Смотрите, как торопятся на этот праздник последние весенние гости. Вперегонку, одна за другой, летят с юга вереницы птиц. Вид зеленого леса придает им силы, и, забывая усталость, они спешат добраться до родных прудов, болот, лугов, в знакомые леса и кусточки.

«Тяťка, тяťка, глянь, косаточка прилетела!» Действительно, словно тень, мелькнула в воздухе первая ласточка. . . и исчезла. Не ошиблись ли мы? Нет, вон еще одна, еще и еще.

Настало ясное утро; старые знакомки выются над ивами и лугами; шныряют под повети, в саран, на чердаки, осматривая свои гнезда. Весело щебечут они на родных крышах.

Все село с раннего утра на ногах. Впрягают в сохи бурок и каурок; насыпают в мешки семена; начинают яровой сев.

Пустяки, кажется, смешно даже, что маленькая птичка ласточка наделает такой переполох в деревне; мало ли птиц прилетает весной. Кажись, велик журавль, а его прилет не замечает земледелец; прилетит журавль сегодня, завтра, через неделю — все равно; прилетел — хорошо, не прилетел — тоже дурного нет. Ждет крестьянин ласточку, именно ласточку; нет ее — сидит он дома за завалине, смотрит, как играют ребята на улице.

— Сеять пора.

— Нет-ста, погодим, — и сидит себе, смотрит на небо.

Чирикнула над домами ласточка — того же крестьянина не удержишь. Везет в поле зерно, пашет и сеет. Это потому, что его дед говорил ему: жди ласточки; а деду говорил его дед и т. д. Так велось испокон веков. Это один из бесчисленных образцов векового, народного опыта.

Народ не знает, откуда прилетает ласточка; но веками он узнавал, что она прилетает, когда наступит настоящая весна и утренники не в силах уже вредить всходам яровых хлебов.

Ласточка, подобно всем живущим существам, не знает, что будет завтра. Перезимовав в долине Нила, она, руководясь тем же чувством (инстинктом), что и ее отцы, деды и прадеды, летит домой, на родимую сторонushку. По пути везде встречает ее тепло, и она спешит без остановок. Вот родное село: кончен далекий путь, отдыхают усталые крылышки; гнездо цело; уселась на нем ласточка и заснула глубоким сном. Проснулась поутру, полетела на луга, к реке, промышлять пищу; увидел ее народ — сеять надо, говорит.

Поехали, посеяли. Ласточка понаелась, отдохнула и ждет подругу. Стоит ведро¹ день, другой, третий — взошел овес и ячмень. Чего бы лучше? Вдруг дует с севера студеный ветер, набегут тучи, хлопьями повалит снег или в ясную ночь ударит мороз и побьет всходы. Погибли семена, пропал труд земледельца. Но никогда не укорит он ласточку. Самой ей горше крестьянина. От внезапного мороза или снега первые прилетные ласточки гибнут тысячами от холода и голода.

Оттого-то и сложилась в народе поговорка: «Одна ласточка не делает весны».

Снова надо сеять и пахать.

И понятно: если человек не может предвидеть перемены погоды, то как же возможно это ласточке? Поэтому ласточки не всегда появляются вовремя. Например, иногда леса уже зеленеют, а ласточек и в помине нет; другой же год — почки еще не лопнули на деревьях, а ласточки тут как тут. Ну, это отступления от сложившегося порядка. Обыкновенно же ласточки являются именно в те дни весны, когда зазеленеют деревья, потеплеет воздух. Причина проста. Ласточка питается насекомыми и только такими, которых может поймать на лету, в воздухе. Из летающих насекомых

¹ Ведро — ясная погода.

она предпочитает мух, комаров, мошек, а так как эти насекомые очень чувствительны к холоду, то пока воздух не потеплеет, они не поднимаются в верхние слои его. Следовательно, ласточка неминуемо должна голодать и умереть с голоду, пока воздух холоден. На земле она добывать пищи не может, потому что с великим трудом движется по ней на своих слабых, коротеньких ножках.

*
*
*

Прилетев домой, ласточки первым делом спешат осмотреть свои гнездышки. Вслед за самцами прилетают самки, и ласточки играют веселые свадьбы. Торопливым, быстрым полетом носятся самцы в воздухе, отыскивая в прилетевшей стае своих старых подруг. Но — увы! — одну съел еще осенью итальянец, когда стая, пролетая на зимовку в Алжир, остановилась отдохнуть около Неаполя. Итальянец не посоветился поймать и съесть усталую крошку. Другую поймал сокол, когда пролетная стая, застигнутая в степи холодом, усталая, озябшая, присела отдохнуть на припеке. Третья убила ночью о телеграфную проволоку. Четвертую бурей закрутило в воздухе, и, выбившись из сил, упала она в сердитые волны Черного моря. Так-то многое множество гибнет ласточек на чужой стороне, куда выгнал их осенью сердитый мороз из родимого края.

Как бы то ни было, пары ссоставляются весьма быстро, и в тот же день начинается у них трудная работа починки, а не то и новой постройки гнезд. Ласточки летят на ближайший берег пруда или болота, где чернеет густая, невысохшая грязь. Каждая из них берет в свой маленький, слабый клюв кусочек грязи, переминает его, смачивает липкой слюной и летит с ним, чтобы свить гнездышко.

Ловко цепляется воронок за малейшую неровность штукатурки в верхнем углу окна, прилепляя первый кусочек грязи. Если косяки окна гладки и нет возможности ухватиться за что-нибудь острыми когтями, воронок с изумительной ловкостью, на лету, лепит первый комочек грязи. На первый налепляется, затем уже легче, второй,

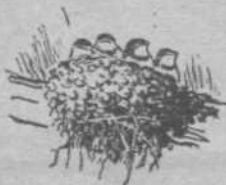
третий и т. д. С раннего утра до солнечного заката пара воронок без устали снует от гнезда на грязь и обратно, устраивая себе хижинку. С каждым днем работа подвигается вперед; но все же она идет медленно, и нужно по крайней мере две недели, чтобы гнездо было готово. В самом углу окна плотно, накрепко прилеплено гнездо, представляющее отрезок в одну восьмую шара.

У верхнего края находим круглое входное отверстие, ведущее в просторное гнездышко. Грязь, образующая стенки, смоченные липкой слюной, когда высохнет, делается твердой, как камень, и отделить ее от окна можно только при помощи острых инструментов. Толщина стенок в разных местах неодинакова.

Рассмотрев внимательно гнездо, мы поражаемся тем, что воронок основательно знаком со строительным искусством. Он как бы с полным знанием дела строит стенку толще там, где нужно, чтобы упрочить гнездо. Закончив постройку гнездышка, воронки принимаются за внутреннее убранство его. Они шныряют по окрестностям, высматривая перышки и пух, потерянные другими птицами, собирают их на земле, подхватывают в воздухе и несут в гнездо. Из этого материала они сделают мягкий перьевой коврик. Кончен тяжелый труд, пора класть яички, беленькие, блестящие, с тонкой скорлупой. А когда их наберется штук пять или шесть, воронки принимаются высидывать. Самец чередуется с самочкой; и пока один сидит на яйцах, другая летает, кормится и отдыхает.

Пройдут две недели, и из яичек выклюнутся птенчики, голые, слепые, беспомощные, с уродливой большой головой, с широким ртом, отороченным желтой каемкой.

При всяком стуке и шорохе эти уродцы широко разевают свои рты и пищат, прося пищи. С удвоенным старанием снуют старики по окрестностям, добывая корм прожорливым детям. Заглянув в гнездо спустя две недели, мы будем поражены и удивлены: мы найдем там целую семью красивых молодых ласточек; стоит только крикнуть или стукнуть,

и они, одна за другой, выпорхнут из гнезда. Мы невольно спросим, неужели это те красные, маленькие уродцы, которых мы видели в гнезде две недели назад? Неужели они могли так быстро вырасти и покрыться перышками? Да, в этом нет сомнения. Но каково же должно быть количество пищи, которую проглотили птенцы в две недели, чтоб из крошечного уродца, величиной в орех, сделаться ласточкой? Припомним, что эта пища состоит из мошек, комаров, мушек, которых, если раздавишь, то и следа не видно. Сообразите-ка это, и вы невольно подивитесь, как это пара таких маленьких птичек может прокормить мошками и комарами, кроме себя, пять, шесть детенышей.

* * *

Деревенская ласточка-косаточка строит гнезда на другой манер. Где-нибудь под крышей сарая, на чердаке или под потолком конюшни она прилепляет кусочки грязи к перекладине, к стропилу или к балке и выводит получашечку (или $1/4$ шара) с толстыми прочными стенками. Углубление получашечки косаточки выстилают перьями птиц, шерстью и волосом. Наконец, гнездо готово после двух или трех недель работы. Самка начинает класть яички; они больше яичек воронка, с тонкой белой скорлупкой, покрытой красноватыми и бурыми пятнышками. Когда наберется в гнезде от четырех до шести яичек, самка садится их высиживать. Самец же в это время принимается строить другое, запасное гнездо. Оно помещается на той же перекладине, на четверть или на пол-аршина¹ от первого. Форма гнезда та же, но оно значительно меньше, плосче и не устилается внутри так тщательно, как настоящее. Это гнездо самец строит для себя и для детей; в нем он спит и отдыхает; а когда молодые ласточки подрастут и вылетят из гнезда, то часть их ночует в настоящем гнезде, другие же спят в запасном гнездышке, с отцом.

¹ Аршин равен 72 см.

Молодые косаточки растут так же быстро, как воронки, и в половине июня вылетают из гнезда. Любо смотреть на вылетевший выводок. Выпорхнув одна за другой из гнезда, косаточки всей семьей усядутся на крышу; старики вьются, суется около них, носят им пищу, щебечут. Вдруг весь выводок вспорхнет с крыши и понесется вдаль — пробовать молодые крылья. Сначала полет косаточек слаб, неумел; пройдет час, другой — и молодых отличишь только по коротким косицам хвоста. Они неотступно следуют за стариками, повторяя все повороты их на лету. Поймала старая косаточка комара, приостановилась и тут же, на лету, сует его в рот птенчику. Скоро молодые окрепнут окончательно и сами принимаются ловить добычу. Мало-помалу каждый птенец делается самостоятельным, и семья недели через две рассыпается врозь.

В начале июля старая косаточка снова кладет в гнездо яички и высидивает второй выводок, который вылетает в начале августа. Так что за лето каждая пара выведет от 5 до 10 молодых птичек.

Искусная постройка гнезда, горячая любовь к детям, трудолюбие и постоянная веселость невольно обращают на косаточку внимание деревенского жителя; он с детства свыкается со своей постоялкой, привязывается к ней. Да и как ее не любить, когда она никому, как есть никому, вреда не делает? Летая по полям, косаточка не сворует зерна; она не расклевывает, как другие, в саду ягодки, не выдолбит огурец. Польза же от нее видима.

На дворе, в огороде, в садике шум и суета: шумят, кричат воробьи, галки, скворцы; хлощет наседка, словно охает, что не может созвать шалунов-цыплят, разбежавшихся по двору. Но только раздастся пронзительный, резкий крик ласточки — и все переменяется. Бросились воробьи куда попало — в кусты, под крыши, в коноплю. В одну минуту сбежались цыплята под крылья матери. Все стихло, только крики ласточки нарушают тишину.

Вдруг из-за забора взвился лихой разбойник — ястреб. Напрасно желтые воровские глаза осматривают дворы. Поживы нет. Только сердитая наседка, взъерошив перья,

распустив крылья над детками, смело ждет врага. Неохота вору вступать с ней в драку, и он летит дальше. А ласточки, одна за другой, так и налетают на него сверху. Назойливость и крики их до того надоедают хищнику, что он убирается восвояси в темный лес. Как же не любить крестьянке ласточку? Сколько цыплят ласточка сохранит в лето. И учит она шалуна-внука: «Не трогай гнездо ласточки».

Все время, пока у нас живет ласточка, мы видим ее постоянно на лету. Сравнительно редко увидишь ласточку сидящей на кровле, на земле или вообще на чем-нибудь, и то сядет она днем, лишь на несколько минут. С раннего утра и до заката солнца ласточка летает. То она носится над самой поверхностью пруда, то мчится над лугами и полями, то поднимается высоко в воздух; невольно любуешься ее ловкими, быстрыми поворотами. Изумительная быстрота полета, ловкость неожиданных поворотов так сильно приковывают к ней внимание, что для крестьянина ласточка издавна заменяет барометр: носится она высоко — будет сухая погода, бездожде, хотя бы небо было покрыто облаками. Стелется косаточка в ясный день над зеркальной поверхностью пруда — быть дождю. И эти приметы вполне верны.

Между насекомыми есть отряд двукрылых, у которых только одна пара крыльев. Это

самые быстрые и ловкие летуны, подобно тому как ласточки между птицами. Вся жизнь двукрылого насекомого проходит в непрерывном движении. Подобно ласточкам, мухи, мошки, комары, за исключением времени сна и отдыха, почти постоянно летают. В быстроте и ловкости полета с ними не сравнится никакое другое насекомое, не сравнятся даже бабочки и пчелы.

С весны и до осени, пока воздух тепел, неисчислимое множество разных двукрылых носится в нем, поднимаясь порой на значительную высоту. Ничтожный рост многих двукрылых исключает всякую возможность уследить их в воздушной синеве и узнать, что они там делают. Мы знакомимся с двукрылыми лишь тогда, когда они подлетают ближе к земле, носятся около растений, летают в наших жилищах или жужжат над самым ухом, собираясь впустить свой хобот, жало в нашу кожу.

Для человека нет насекомых докучливее двукрылых. Мириады мух портят нам жизнь в домах, мешают есть, не дают спать. Комары и мошки своими укусами раздражают кожу, мешают работать в полях и лесах, делают почти невозможным местами рыбный промысел. Домашние животные, наши помощники, терпят от двукрылых еще более, чем мы; они доводят их укусами до иступления, до изнеможения, даже бывают причиной их гибели.

Как же не ценить ласточек, которые питаются главным образом двукрылыми, нашими лихими врагами? Конечно, они хватают также на лету мелких бабочек, жучков и других насекомых, но погоне за двукрылыми посвящена почти вся жизнь ласточки.

Она носится по целым часам высоко в воздухе, гоняясь там за мошками, мушками, комариками; воздух сух, паров в нем мало, и эти насекомые высоко поднимаются от земли для своих игр.

Накопится больше паров в воздухе, крылышки мушек и комариков напитаются влагой, отяжелеют, трудно на них подняться ввысь, и порхают двукрылые низко над землей, поэтому и ласточек не увидишь наверху, они

Овод

летают низко над лугами и полями, над прудами и озерами, ловя здесь свою обычную добычу. А известно, что если воздух насыщен парами, то они легко сгущаются в облака, последние же разражаются дождем. Вот почему, когда ласточки летают низко, крестьянин ждет дождя; носятся ласточки высоко в воздухе — дождя не жди: значит, паров мало. Народная примета оказывается верной, хотя крестьянин и не объяснит нам смысл ее.

Кроме мошек, комаров, оводов, слепней, вредящих нам укусами, между двукрылыми есть много еще злейших врагов наших. Есть, например, так называемая гессенская муха, крошечная мушка, сама по себе безвредная, но ее личинка живет в стебле ржи и губит его и колос. Целые поля ржи пропадают от этого страшного врага, вызывая голод в стране. В то время, когда колосится рожь, мириады гессенских мух летают в ржаном поле; они прокалывают мягкие ржаные стебли и кладут туда яички, из которых вскоре выведутся гибельные гусеницы. Никто тут не оказывает нам такой помощи, как косаточка. Неумоимо носится она над самой рожью, поедая бесчисленное множество гессенских мух.

Зная все это, мы можем оценить, как велика польза, приносимая ласточкой человеку; мы можем сказать, что без нее еще горше бы нам пришлось от всяких двукрылых.

Сколько ласточка истребляет в день двукрылых — невозможно счесть. Но количество это должно быть громадно. Начиная ловлю на утренней заре, ласточка кончает ее на закате солнца. Весь длинный летний день она без устали ловит двукрылых.

Гессенская муха

Сколько же она поймаёт их — судите сами. Пришел август месяц, вылетели последние выводки ласточек. Ласточье население возросло теперь до наибольшей густоты, по крайней мере в три, четыре раза против весны. И все это население целые дни гоняется за двукрылыми. Воздух около сел, деревень, городов кишит ласточками. Между тем уже холодеет; в конце августа как раз наступят утренники. Особенно чувствительны они для двукрылых; последние дни приходят им. Каждая холодная ночь убивает их массами. Чувствуют наступление холодов и ласточки. Осенью начинают они собираться в стайки и готовиться к отлету. Не страшен им слабый холод, но он уменьшает количество пищи; с каждым днем ее становится меньше. И вот после первого утренника стаи ласточек пускаются в трудный путь, в далекую Африку и Аравию. Там в это время начинаются периодические дожди. Реки выступают из берегов. Широко разливается старый Нил по равнинам Египта. Тропическая растительность, заморенная, высушенная летними засухами, развивается с непостижимой быстротою и роскошью. Оживают бесчисленные тропические животные. Движение и жизнь кипят везде. На этот-то пир южной природы летят наши северные птицы. Восемь месяцев гостят там ласточки. Но, по пословице: «В гостях хорошо, а дома лучше», ждут с нетерпением щебетуны, когда наступит время лететь на далекий север, на свою бедную, но милую сердцу родину.

К

РОМЕ ласточек, у нас живет их двоюродный братец — стриж. Хорошо летают ласточки, а со стрижом им нетягаться. Зато он и держит над ними верх. Редко спу-

стится стриж до зеркальной поверхности пруда. Он стрелой носится в вышине, ловя самых быстролетных мушек и мошек. Плохо ходит по земле ласточка, а стриж и того хуже. Это настоящий житель воздуха. Длинные крылья у ласточки, а у стрижа еще длиннее да, кроме того, загнуты серпом. А ножки крошечные, крошечные, словно у китаянки, и что всего интереснее, чего нет ни у какой другой птицы: все четыре пальца направлены вперед. Когти же на них крепкие, загнуты крючком; они чрезвычайно похожи на задние ножки летучей мыши, потому что служат для той же цели: стриж своими ножками ловко прицепляется к отвесным скалам, к каменным стенам,

но ходить на них почти не может. Стрижи прилетают к нам в числе последних птиц — в двадцатых числах мая. В это время они появляются по всем городам и большим селам. Под карнизами, в углублениях стен стрижи устраивают свои гнезда, частью из грязи, частью из разного хлама. Но это уже не искусная постройка ласточки. Самка кладет три или четыре беленьких яичка, из которых через две недели выклюнутся крошечные голые стрижатки. Еще недели через три-четыре стрижатки вырастут и вылетят из гнезда.

С самого прилета и до отлета стрижи целые дни снуют высоко в воздухе над селами, прудами, реками, полями и лесами, неутомимо ловя мошек и других двукрылых насекомых. Роль их совершенно та же, что и ласточек. Да и жизнь настолько похожа на ласточью, что мы, описывая ее, только напрасно повторяли бы уже сказанное. Стрижи улетают раньше ласточек — в половине августа.

СКВОРЕЦ

ТАК же, как ласточку, любит русский человек скворца, или скворушку. Красивый, блестящий, желтоносый скворушка действительно может привлечь к себе внимание. Такого болтуна и весельчака,

пожалуй, не найдешь между нашими птицами. Зато ему и почет; зато добрый хозяин считает долгом повесить на шесте у ворот дупло или под крышей, на передней стороне избы, дощатый домик — скворечницу. Иногда деревенский искусник плотник разукрасит скворечницу узорчатыми карнизиками и приснастит крылечко.

Ранней весной, как только зашумит вода крохотными ручейками, вскоре после прилета грачей и жаворонков, в теплый, яркий полдень, несутся в вышине стада уток, вереницы гусей, а между ними мелькают

стайки черных птичек. Полет этих стаяк до того характерен, что их далеко узнаешь, — это летят скворцы. То стайка рассыплется в воздухе, как брошенный горох, то вдруг сплотится в черное пятно. Подлетела стайка к родимому селу, сомкнулась разом, сделала круг, и прямо посыпались черные комочки на землю. В эту минуту скворцы удивительно смешны; присев где-нибудь на растаявшей лужайке, все они вытянулись в струнку, подняли голову и словно замерли; затем вдруг сразу засуетятся и побегут в разные стороны. Утолив голод, скворцы бросаются врозь к своим дуплам и скворечницам. Тут пойдут отчаянные драки из-за квартир. Но вот квартиры разобраны, и с утра до ночи полилась по селу скворчинная песня. Чего только не наслушаешься в этом попури: визг поросенка, мяуканье кошки, крик перепела: всех, как есть всех, передразнит этот веселый шут. А что он выделяет: то нахохлится, сожмется, то начинает отвешивать поклоны, то машет крылышками в такт песне, словно хороший капельмейстер.

Вскоре явятся стаи скворчих; разбредутся они к своим гнездам, и пойдет хлопотливая деятельность — нужно чинить гнезда, таскать в них стебельки, соломинки, перья. Скворчиха снесет 6—7 простых, голубеньких яичек. Через две недели выклюнутся скворчатки. Целые дни старые скворцы бродят по лугам, по выгонам, по пашням, отыскивая кобылок, гусениц, кузнечиков, жучков, бабочек и т. п., которых без усталости таскают в дупло своим деткам.

Недели через две они уже подросли, оделись серыми перышками и начинают выглядывать из скворечницы. А еще через несколько дней, обыкновенно во второй половине мая, скворчата оставляют дупло. Старики их ведут в ближайший садик или на полянку среди кустов. В садах, на дорожках, в это время собираются также выводки воробьев; хитрые старики не преминут ввести скворчат в эту компанию; и недаром: старые воробьи — лучшие сторожа для глупых воробьят и скворчат, они вовремя предупредят беспечных ребят о близкой опасности.

Через несколько дней, когда скворчата поумнеют, выучатся хорошо летать, старики ведут их в луга, на выгоны, на пашни и учат там добывать пищу, состоящую исключительно из насекомых, а из них кобылки, стрекозы, кузнечики, личинки жуков, бабочек, мух составляют первое лакомство скворцов.

Каждый вечер семья скворцов собирается в кучку и летит в кусты ив и талов, растущих густыми чащами по берегам рек, прудов и озер. В таких зарослях их излюбленные места ночлега, куда слетаются семьи скворцов из всей окрестности и ночуют вместе. Тут мало-помалу к осени образуются сотенные, тысячные стада их, которые с наступлением холодов в сентябре, пускаются в далекий путь — в южные страны на зимовку.

На пути полета этих стай есть местности, где скворцы останавливаются, гостят некоторое время, а затем пускаются дальше. В таких местах собираются иногда десятки тысяч скворцов. Такие, например, места есть на Рейне, на Дунае, у нас на Днепре, на Дону, на Волге и т. д.

Это обширные заросли ив и талов в широких заливных равнинах больших рек, где кругом расстилаются обширные луга, богатые пищей, любимой скворцами. Стаи кормятся целые дни в лугах, а на ночлег собираются в уютные места — в чащу ив в невероятном множестве. Этой привычкой пользуются жители южных стран Европы. Заметив, где собрались скворцы, они тихонько окружают кусты сетями; затем вдруг зажгут факелы и начнут шуметь — испуганные светом и шумом бедные скворчики бросаются куда попало. Тысячами путаются они в сетях и затем поедаются жителями. Сколько гибнет наших любимцев в желудках людей — трудно себе представить. Но перелетят остальные за море, в Африку, в Аравию, Сирию, там уже им лучше. Широкая долина Нила и после разлива кормит не одних только скворчиков.

Перезимуют они там и летят к нам, принося весть о грядущей весне.

Цена скворца за его красоту и веселость, крестьянин не знает, как много он приносит ему пользы. Скворец поедает огромное количество насекомых и их личинок, очищая от них пашни, луга, сады и выгоны. Ни плодов, ни растений он вовсе не ест. Поэтому, подобно своей товарке ласточке, это, безусловно, полезный захребетник.

Взятый маленьким из гнезда, скворец скоро приручается и привязывается к человеку. Его можно оставить совсем на свободе, будьте уверены, он не улетит далеко. Скоро он освоится со всеми в доме, будет ссориться с птицами и собаками из-за корма. Он осмотрит все щели и преисправно очистит их от тараканов, сверчков, мух и другой дряни. Его можно выучить свистать целые арии. Он даже научится произносить слова не хуже любого попугая.

Вообще из приручаемых птиц трудно указать другую более веселую, умную и забавную. Недаром полюбил скворца деревенский житель и, не в пример прочим, соорудил ему домик.

Возьмите, выкормите скворчат; это так легко — булка, размоченная в молоке, творог с хлебом, молочная каша и больше ничего им не надо. Берите скворчат, когда они уже покроются перышками, но еще не совсем выросли. Они легко приручаются, но их надо беречь от кошек. Потом скворец сам не дастся в обиду и будет драться даже с собаками. Это одна из самых ручных птиц, и скворца можно держать совсем на воле.

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ¹

П

Повадился вор-воробей

Летати,

Мою конопельку, мою зелененьку

Клевати

(Народная песня)

ОДУМАЕШЬ, за что такая честь? Попал в песню, да еще вором. Так и народ смотрит на беднягу, как на завязного вора. Но вор ли, действительно, воробей — вот вопрос!

Расстелет хозяйка полог, насыплет на него пшено просушить. Воробей тут как тут. За одним другой, третий. . . со всего двора слетятся и ну подъедать. Значит, — вору.

Поспеет конопля — целые стада воробьев шумят и грабят на конопляниках. Опять-таки вору.

Начнут возить хлеб на гумно, примутся за молотьбу — воробьи на току. Конечно, вору.

Бросят курам корму, дадут овсеца лошадке, замесят ли чего коровам или свиньям — воробей непременно всюду возьмет свою долю. Как же не вор?

А для чего наставят чучел на огороде? Чтoб вор-воробей не гра-

¹ Домовый воробей.

бил и не портил овощей. Но разве садам, ягодникам мало достается от него?

Нахальство этого ворюшки не знает границ. Он ворует открыто, среди белого дня, на ваших глазах. Он вертится около дома, возле самых людей, чтоб подхватить упавший кусочек и удрать с ним на крышу. Ежедневно он, как добрый хозяин, побывает везде на дворе, все осмотрит, но только для того, чтобы своровать.

Куда не обернись — вор и тунеядец.

Как хотите, но я с этим не согласен. Воробей — честный работник; он исправно трудится на своего хозяина; он приносит ему много пользы; и за это-то его гонят везде, бранят вором и не любят. Виноват ли он, что его труды не хотят ценить и что его вынуждают воровать? Да он и не ворует, а берет только свое. Если не верите, узнайте поближе жизнь воробья.

Для этого нам нужно только окно, — все равно где бы оно ни было — на Невском проспекте или в местах отдаленных, в глухой деревушке, где два, три двора, да и те без заборов. Воробей тем и хорош, что ему все люди равны. Он устроится в жилище бедняка и живет тут так же весело, как и в лучшем из дворцов. Потому-то нам и удобно всюду и везде наблюдать за ним. Потому-то все, что я расскажу, вы можете видеть своими глазами в любом месте.

* * *

На дворе весна. Капает, течет с крыш, шумит вода по желобам. Струйки воды бегут по тротуарам. Грязный снег на улицах с каждым часом делается еще грязнее. Идет весна! Самое ее никто не видал; видят только ее свиту, говорливую; видят ее одежду, ее новые платья изумрудно-зеленого цвета, затканые пестрым узором всевозможных цветов. Да, никто не видит эту чудную волшебницу, которая является каждый год, в урочный час, для того, чтобы приласкать и согреть все живое. Ее никто не видит, но каждый старается принарядиться в самое лучшее платье для встречи весны. Даже воробьи и те хотят встретить весну попараднее. Всюду еще снег. Как только побежали по нему

первые струйки, как только слились они в первые крошечные лужицы на поверхности грязной улицы, в колеях, пробитых санями, воробьи, не долго думая, начинают купаться. Им хочется пообчистить свое серенькое платье для встречи весны. Всмотритесь, ведь это не тот воробей, которого вы видели зимой. У зимнего воробья клюв был желтый, а теперь он почернел; зимой воробей был крайне неуклюж; он ерошил свои перья, чирикал редко, больше все хмурился. А теперь его не узнаешь. Словно он причесался после ванны: перышки блестят, лежат плотно, и весь воробей выглядит таким ловким франтом. Говорлив стал, просто на удивление. Полюбуйтесь. Вот он на крыше; хвост поднят кверху, крылышки опущены, с задорным видом поглядывают глазки направо и налево.

Чип! чип! чип! чип! Он скачет, как сорока, вертится, и нет ему покоя целый день. Встретится товарищ, вместе с которым он неделю назад искал мирно крошки хлеба около кухни, теперь и не подходит близко. Сойдутся два воробья — мигом завяжется драка. Из-за чего они дерутся — не будем разбирать, это их дело.

Весна идет без остановки, тает снег, бежит вода по улицам. Оголилась земля. Пробивается молодая зеленая травка. Глядь — наш воробей уж не один. У него есть подружка, с которой он прыгает по улице, по саду, шныряет по дворам: тут съест крошку, там раздобудет зернышко. Но главная его забота теперь не в этом. Он собирает разные редкости: в саду или на лужайке схватит сухую травинку; около конюшни зацепит конский волос; на скотном дворе подхватит клочок овечьей шерсти; в курятнике поживится перышком; из кучи сора вытащит тряпочку, мочалинку, бумажку. Ему все это нужно, все это он тащит куда-нибудь в укромный уголок, в карниз дома, в трещины каменной стены, за наличник окна, в дупло дерева, в скворечницу или же в гнездо ласточки. И из всех этих редкостей устраивается беспорядочная куча хлама, которую называют воробьиным гнездом. Пройдет еще немного времени, и на этой куче хлама окажется шесть, семь или восемь пестрых яиц. Серенькая воробья усаживается на них, греет

их своим маленьким телом и день и ночь; а вор-воробей самодовольно чирикает возле нее и поглядывает по сторонам, чтобы стащить, что плохо лежит.

За все это время, т. е. с самого начала весны и до начала мая, нам решительно не за что упрекнуть воробья. Он берет только то, что выбрасывают, что никому не нужно; но ведь это не воровство.

* * *

Посмотрим дальше. Едва оделся лес, не успели еще прилететь последние вешние птицы, а в гнезде воробья вместо яичек уже сидят пискливые, крошечные воробьята. Тут-то забот отцу и матери! С раннего утра и до позднего вечера снуют они около дома, по огороду, в саду, в ближайших полях и лугах, на дворе, на улице, ищут корму, но только не зерен: птенчики их слабы, малы, они не в силах проглотить жесткого зерна; им нужны те мягкие, сочные червячки, которые ползают по листьям трав и деревьев и поедают их; а червячки эти не что иное, как гусеницы пестрых, красивых бабочек, мух и жучков. Их-то и отыскивают теперь воробьи. Поймав гусеницу, воробей летит к гнезду, сует ее в рот голодному воробьянку и снова летит на промысел, — да так целый весенний день. А этот день длится часов 16. Сколько же тысяч гусениц перетаскает пара воробьев в это время?

Этот вопрос задал себе один почтенный немецкий ученый и стал следить за воробьем. Считал, считал он гусениц, которых приносил воробей, считал, да и счет потерял. Этой работой, т. е. ловлей гусениц, занимаются воробьи добрых две-три недели, пока воробьята вырастут и оперятся. Вот, наконец, настал желанный день. Детки выросли, оперились, вылетели из гнездышка. Веселой кучкой сидят они на заборах, в аллеях сада, между грядок огорода; чирикают без умолку, а как только увидят отца или мать, откроют желтые рты, зачирикают еще пуще — значит, пожалуйте червячка!

Я и до сих пор очень люблю эти дни воробьиной жизни. Хитрые старики заведут воробьят в такое местечко, где

они легче всего могут избежать врагов. А для этого нет им лучше притона, как песчаная дорожка в садике, окаймленная кустами акации. Заведут они туда своих воробьяток, а сами начнут промышлять корм для них.

Иногда на одной дорожке соберется несколько выводков, и она сделается настоящим воробыным детским садом, а должность гувернера¹ исполняет один из старших воробьев по очереди. Молодые воробушки беззаботно чирикают, купаются в песке, прыгают по дорожке, а старый воробей усядется на самую высокую ветку акации и зорко смотрит во все стороны; в это время прочие воробьи торопливо таскают гусениц и кормят своих детенышей.

Воробей-сторож невозмутим; он не бросится даже на самую жирную гусеницу, хотя бы она ползла по ближайшей ветке; это самый примерный часовой. Но зато его и слушаются все. Закричит, он чр-ррр...чр-ррр!.. и все, что беззаботно скакало по дорожке, чирикало и прыгало, с шумом бросается в самую чащу кустов акации или сирени. В минуту все смолкнет. Ни звука, ни шелеста. Только часовой сидит на вершине; он закричал, но не пошевелился, он увидел врага и следит за ним. А этот враг, лютый, злой, беспощадный — это ястреб-перепелятник. Давно еще заприметил его воробей; еще там вдали, когда он неслышным полетом вывернулся из-за крайней избы и направился по задворкам. Сущий разбойник! Перья серые, неблестящие, в которых лучше всего укрываться вору, а укрываться он и без того мастер. Он летит около заборов, между деревьями, свернет вдруг в сторону, взмахнет вверх и оглянет все быстро своими желтыми глазами. Горе зазевавшейся птичке! Стрелой налетит на нее разбойник, всадит когти, и пропала бедняга. Но не таков наш воробей, чтобы поддаться ястребу. Из сотни разных птиц едва ли удастся ему схватить хотя одного воробья. Умен и осторожен наш плут. Да кроме того, у него есть кумалосточка, востроглазая, быстrokрылая; воробей знает, как она крикнет, если увидит ястреба. Но вот он и сам увидел

¹ Воспитателя.

его. Ястреб ближе, ближе; воробей все сидит. Воробьята ни гу-гу, как будто и нет их; а часовой все сидит на ветке. Заметил его ястребиный глаз, взмахнул лесной разбойник крыльями; раз, два, и только бы вот впустить когти — ан, воробья уж нет. Камнем упал он в куст акации, а на его месте очутился ястреб. Сидит дурак-дураком, вцепились когти в зеленую ветку и замерли. Досада гложет хищника, а ласточки еще издеваются: чивит . . . чивит . . . и одна за другой подлетают к нему. Зло смотрят на них и кругом желтые глаза; знает ястреб, что тут целая сотня воробьев сидит в чаще ветвей, да где же их достать? Встряхнулся и полетел дальше. Если бы он оглянулся назад, то увидел бы, что на его месте опять сидит часовой воробей, а на дорожку с шумом высыпала из зеленой листвы целая толпа воробьят.

Недаром я назвал эту аллею воробьиным детским садом. Когда-нибудь присмотритесь к воробьятам в то время, как они только что покинут гнездо. Какие это простаки и дурачки, неловкие, доверчивые, крикливые. И ноги, и крылышки еще плохо служат им. Это такие же увальни, как наши Коли и Мити, когда те только что начинают ходить. Но посмотрите на воробьят три, четыре дня спустя в их детском саду. Вот они роются на дорожке, в песке. Это уже не увальни, не простаки. Чуть раздастся крик их часового — полюбуйтесь, как они ловко нырнут в кусты, спрячутся там и замолкнут.

В эти немногие дни они лучше нас с вами выучили азбуку воробьиной жизни. Пройдет еще несколько дней — старые воробьи и воробьихи научат их всему, что нужно знать образованному воробью. Они выведут их на лужайку и научат ловить жучков, бабочек, гусениц. Они вызовут их из кустов на проезжую дорогу и научат разыскивать хлебные зернышки. Они поведут их в сад, в огород, на гумно, покажут им, как там нужно хозяйничать, растолкуют, кого бояться, где прятаться.

Наконец, учение кончено; молодые выросли; их не отличишь от старых. Тогда собирается семейный совет. Старички прощаются с детками и говорят: «Вы теперь большие.

живите, как хотите, мы всему вас научили», — и воробьиная семья разлетается врозь.

Старые воробьи снова чинят свое гнездышко, снова кладут несколько пестрых яичек, насиживают их и выводят второй выводок. Это бывает в июне, и когда выключатся воробьята, снова пойдет трудная работа отыскивания гусениц для того, чтобы выкормить воробьят. А воспитав второй выводок, иные заботливые воробьи выводят еще третий, особенно в теплое, хорошее лето, так что с апреля по конец июля или даже до начала августа воробьи волей-неволей питаются не зернами, а гусеницами, личинками насекомых, жучками, бабочками, мушками, улитками. Сколько они съедят их сами, сколько перетаскают своим воробьятам — не мог перечесать того и аккуратный немец.

Судите же, как велико количество съеденных воробьем насекомых.

* * *

Чтобы оценить пользу, которую в течение весны и лета принесет воробей, нам надо посмотреть на наши огороды, сады, луга, цветники и узнать, что там делается. А не то спросим огородника, отчего он принес такую скверную капусту, всю в дырочках? Кто изъел ее? Отчего такой червивый горох? Отчего перепорчены все овощи, которые он принес нам? Червяки, говорит, съели.

Разверните кочан цветной капусты: там целая куча сероватых гусениц, которые изъели его весь. Если бы мы пошли на огород раньше несколькими днями, то заметили бы красивых белых бабочек с черненькими концами крыльев, которые порхают около капусты, играют над нею в воздухе, а потом присядут на капустный листок и положат несколько десятков маленьких, желтеньких яичек. Дней через десять из каждого яичка выйдет крошечный, желтовато-серый червячок, который начинает грызть капустный лист. Если бы вы знали, какой это обжора! Он съедает в день в два, три раза больше, чем весит сам, и

вместе с тем растет, как богатырь. Когда он вылезет из яичка, он не больше макового зернышка, а через две недели, это уже толстый червяк, в три четверти вершка длины. Подумайте же, сколько съест этот обжора в две недели. Но ведь он не один на всем огороде. Одна только бабочка наладит многие десятки, даже сотни яиц, а таких бабочек там тоже десятки и сотни порхают ежедневно.

Самый заботливый огородник не в состоянии ободрать всех этих гусениц. Скажите же спасибо воробью. Если бы не он, у вас не было бы ни капусты, ни других овощей. Он каждый день внимательно осматривает грядки и с утра до вечера истребляет всех тех воров, которые едят овощи. Я знаю, вы тотчас вспомните обиды, причиненные вам воробьем. Вы скажете, что вам огородник жаловался на воробьев.

«Что ни посеешь, — говорил старик, — все испортят. Как только выйдет росточек из земли, налетят, объедят, повыдергают и сажай снова».

Это правда; молодым росткам сильно достается от воробья; но когда растение укоренится, распустит листья, тут воробей уже не тронет его.

Приходит садовник. «Надо, говорит, сетки надеть на вишни: воробьи одолели, все ягоды испортят».

Ну, а это что такое — спросите-ка его. Вот вишенка, не испорченная воробьем. Отчего на ней пятнышко? Откуда взялась гусеница внутри вишневой косточки? В том-то и дело. Воробей и тут не вор, а охранитель нашего добра.

Он поедает молодые росточки главным образом потому, что находит на них насекомых, а если он соблазнится вкусной ягодкой вишни, то и мы с вами не утерпели бы, чтобы не съесть ее. Зато он на том же вишневом дереве переловит не одну сотню жучков и бабочек, мух, ос и других насекомых, которые прокалывают вишневые ягоды, чтобы положить туда яички. Из каждого такого яичка выйдет гусеница, она проточит вишневую косточку и начнет есть горькое зернышко, лежащее в ней. Ягодка захиреет, не вырастет как следует и не будет вкусна. Достаточно одной, двух бабочек или других насекомых, чтобы испортить ягоды

на всем дереве. Вот полюбуйтесь: садовник прикрыл вишневое дерево сеткой. Не достать теперь воробью сладких вишен. Но разве сетка защитит от бабочек, мух и жучков? Нет, и береженные вишни вышли хуже небереженных; сколько между ними кривобоких, маленьких, невкусных.

Видите ли, как бы вы ни старались обвинять воробья в воровстве, учиненном им в течение весны и лета, а все-таки выйдет, что воровство это вам же полезно. И окажется на поверку, что не будь воробья, не пришлось бы вам есть многих вкусных овощей и фруктов.

* * *

Но время идет, лето кончается, валяются фрукты с деревьев, сыплется хлеб из колосьев. Человек спешит собрать с полей и из садов, с лугов и огородов все, что выросло и созрело, чтобы сделать себе запасы на зиму.

Воробей вырастил своих последних детей; он устал, исхудал, изнурился за лето. Ему надо поправить здоровье, чтобы скоротать тяжелую зиму. И вот он накидывается на конопляники. Соберется стая в несколько десятков и даже сотен штук и отправится в поход на конопляник.

На высоких конопляных шишках выставлены часовые, а в зеленой чаще шум и болтовня, идет горячая работа; тут нет пощады конопляным зернышкам, нет и спасения от грабителей. Никакие чучела не страшны им. Прогонят с одного конопляника, они перелетят на другой. Да, надо сознаться, что теперь воробей—грабитель и вор. Потому-то и песня сложилась про него. Уберут коноплю, свяжут их в снопы и поставят кучками — стая воробьев грабит кучи напропалую. Начнут молотить коноплю — воробьев не отгонишь от молотильного тока. Словом, воробей неузнаваем. Он вошел во вкус грабежа. От коноплей он летит на поля, где сложен хлеб, летит на гумно, на молотильные тока, порхает по дорогам, где возят снопы. Хлебное зерно стало его исключительной пищей. В течение всей осени воробей — сущий вор; но ведь он служил нам всю весну и лето верой и правдой; не жалейте же нескольких горстей зерен, которые вы все равно потеряли бы при сборе хлеба: по полям, при

перевозке снопов по дорогам, при сушке в овинах, при молотье, при пересыпке зерен из мешка в мешок. Воробей и тут берет только то, что уже брошено, что вы не можете поднять, что съедят другие птицы и звери: противные полевки, мыши, голуби и тому подобные захребетники.

* * *

Весну и лето воробей работал для нашей пользы, оберегал наши огороды и сады и только кое-что воровал. С половины августа и всю осень он грабил конопляники и гумна, жил на наш счет.

Как вы думаете, полезен он или вреден? Решайте, как знаете, а я вам вот что расскажу.

Голландцы и испанцы, потом англичане, а за ними французы, немцы и итальянцы начали разыскивать новые земли, чтобы пользоваться их богатствами. Целые флоты торговых судов пошли гулять по океанам, чтобы вывезти из Америки, Африки, Австралии и Индии различные продукты, которые растут там сами или разводятся человеком.

В суровом климате Европы нужен большой труд, чтобы вырастить и собрать самые простые хлебные зерна — рожь, ячмень и пр.; на юге же сами собой растут самые нежные плоды, самые питательные растения, поэтому европейские мореплаватели вскоре сообразили, что если они поселятся там, то при незначительном труде над обработкой земли хлебопашество и садоводство дадут богатый урожай. Так возникли колонии в Америке, Африке, Австралии. Новые колонисты взялись за работу, развели плантации, сады, огороды, обработали поля. Тропическая природа богато вознаграждала их труды. Но мириады тропических насекомых набрасывались на фрукты, ягоды и другие растения, добываемые колонистами. В два, три дня эти хищники истребляли богатейшие плантации. Все усилия бороться с ними оказывались бесполезными. Тысячи тропических птиц, охотясь за насекомыми, ничего не могли поделать.

Тогда кому-то припомнился воробей. Заказал этот некто капитану корабля, отправлявшемуся в Европу, привезти несколько десятков воробьев. Вероятно, немало смеялись

над шутником-капитаном, когда он набирал воробьев, чтобы везти их за океан. Как бы то ни было, воробьи были привезены на остров Кубу. Тот, кто выписал их, не остался в накладе. Умный воробушек не потерялся на чужбине: он свил гнездо под крышей земляка-колониста и стал хозяйничать на его плантациях и в садах, как бывало на далекой родине. То, чего не могли сделать блестящие тропические птицы, в том помог колонисту воробей и привел его плантации в цветущее состояние. Теперь воробей на острове Кубе такой же хозяин, как и во всей Европе. Он размножился и живет везде, где есть европейские колонии, где есть хотя небольшой клочок обработанной земли. После того воробьев перевезли в Северную Америку и в Австралию, где они размножаются год от году и отлично служат американцам и австралийцам.

* * *

Неужели после всего сказанного вы еще не убедились, что воробей не вор? Говорят, что самый скверный вор — это домашний вор, что от такого вора нельзя уберечься, и это справедливо. Надо вам сказать, что из всех мирских захребетников это самое умное животное. Чтобы вы мне поверили, я напому вам народную поговорку: «Старого воробья на мякине не проведешь». Действительно, нет ничего труднее, как обмануть воробья. Какую бы вы хитрую ловушку ни устроили — он не попадетсЯ в нее. Вы не обманете его не только мякиной, но и самым отборным зерном. Это подтвердит вам каждый птицелов.

Воробей подпустит к себе очень близко, если у вас ничего нет в руках; но тотчас же улетит, если увидит, что вы вооружились чем-нибудь. Он смел до дерзости и вместе с тем недоверчив. Сделать воробья ручным гораздо труднее, чем любую из наших диких птиц; и это совершенно понятно.

Ни к кому не относятся так зло, как к воробью. Ласточки, голуби пользуются особым покровительством. Вы кормите их, боитесь обеспокоить, а вору-воробью от вас нет пощады. Вы его гнали всегда и везде. Оттого-то он и стал умен. Баловню жить легче, ему бабушка воровит. Во-

робушку же судьба — мачеха; все его гонят, никто его не любит, никому нет дела, как он проведет суровую зиму. Вот и приходится самому заботиться о себе. Он наблюдает за всеми, кто живет на дворах, начиная с хозяина, до последней мухи. Мало того, он узнает каждого по лицу и по походке. Вон из кухни вылили помои — воробей первый тут. Подошла курица, свинья или другая скотина — воробью нипочем, клюет себе рядышком с нею, да еще на спину ей сядет. Подбежит собака — только посторонится. Но если показалась кошка — конечно, нет ему покоя; стремглав бросится на крышу и подымет гвалт. Я вам скажу, почему это. Нет у воробья злее врага, как наша кошка. Никто не истребляет столько воробьев, как серый Васька. Он достанет живо молодых птенчиков из гнезда, если только можно подобраться к ним. Он целую ночь лазает по перекладинам, под крышами сараев, где ночуют воробьи, и горе тому из них, до которого дотронулась бархатная лапка этого ханжи. Я пари держу, что никто не знает так хорошо кошки, как воробей, никто не следит за нею так зорко. Но, увы! бедняжка может только стеречься, бегать от этого злого врага; извести его не в воробьиных силах. Как хотите, нужна большая ловкость, чтобы, несмотря на присутствие кошки, жить около человека.

* * *

До какой степени воробей изощряет свой ум, чтобы защитить себя и свое потомство от кошки, расскажет вам один случай.

В одной из деревень Украины мне случилось провести лето. Мы жили в домике, построенном в саду. Против окна второго этажа, на ветках старого тополя, воробей устроил совсем несообразное гнездо. Он натаскал мочалинок, прицепил их к концу ветки, а затем на этих мочалинках смастерил из травы пустой шар и накладал туда перышек. Воробьяху нанесла яицек, и вывели они детей. Это меня до такой степени поразило, что я достал гнездо и привез его в Петербург. Да и было зачем. Ищите год, два, десять лет — едва ли вам посчастливится увидеть такое гнездо.

Переберите все книги, где писано о воробье — в них не найдете описания такого гнезда.

Воробьиное гнездышко строится под застрехой, в дупле, вообще под крышей. Все описывают это гнездо, как кучу хлама, где найдешь сухую траву, мочалки, конский волос, перышки, лоскутки сукна, клочки шерсти. Все это набросано кое-как, примято, выложено перьями и пухом. Не дивно ли, что моему воробью вздумалось устроить прочное, шарообразное гнездышко и подвесить его на ветке дерева? Случилось это вот почему.

Украина совсем не похожа на северную и среднюю Россию. Это обширные, тучные степи, бедные лесом, скудные водой, но богатые плодородной землей. Недостаток леса научил украинцев строить чуть не из хвороста свои хаты. Сделают плетень из хвороста, обмажут его глиной; устроят над этой клетушкой крышу из соломы, смазанной той же глиной, подстригут ее и угладят так, что мышонку негде пролезть. Побелят хату мелом внутри и снаружи, выкрасят охрой окошечки — хата и готова. Бьется, бьется воробушек — негде ему примоститься под крышей, ни продолбить дыру в соломе, смазанной глиной. Воробей и здесь нашелся; он стал строить свои гнезда на тополях, ущемляя их между стволом дерева и ветками; но так как тут кошки и мальчишки чинили ему обиды, то птица подвесила гнездо на конце ветки, куда не могут добраться ни кошки, ни мальчишки.

* * *

Итак, вот до чего мы договорились, что воробей не только не вор, но птичка полезная, которую человек должен оберегать. Притом для этого немного и нужно. Воробей сумеет сам защитить себя и от кошек, и от других врагов, даже и от милого хозяина.

Но вот когда он гибнет. Придет зима, засыплет все снегом. Ни в поле, ни в огороде, ни на гумне нечего достать воробью. Но и это еще не беда. Он ловок и изворотлив; он подкараулит, когда выкинут сор, поищет там корму и поест. Привезут сено на двор — он и в нем покопается

и также найдет, чем заморить червячка. Задымится овин — воробей и тут побывает; он знает, что хлеб молотят, что можно заполучить свою долю. Выбросят навоз из конюшни — он и в навозе пороется. Но вот его беда, когда наступят морозы и разгуляются выюги. Воеет выюга день, другой, третий, бьет в глаза снегом, замечает все. Тут горе не одному воробью. День впроголодь, на другой день совсем голоден, а на третий и зернышка не видал. Летит бедняжка на ночлег под крышу сарая и задремлет горьким сном.

На смену выюге пришел лютый мороз и сковал все, что можно сковать. Все ежится, все прячется; съежился и сонный воробей, распыжил перышки, спрятал буйную головку под крыло, а мороз делает свое дело. Когда взойдет солнышко, загляните в сарай, приставьте лесенку и посмотрите под крышей: в укромных уголках один, два, три, целый десяток замерзших воробьев. Тащите их в кухню. Повар сделает отличный паштет. «Из мертвых воробьев!» — говорят вы. Не все ли равно: мороз их убил или вы дробью из ружья; они свежие, вкусные, я бы сейчас их съел.

Если же вы не хотите есть замерзших воробьев, если вам сколько-нибудь жалко этих несчастных, то подумайте о них заранее. Где бы вы ни жили, как я уже сказал выше, — из любого окна вы можете наблюдать воробья, особенно зимой. В окнах есть форточки. Ваш чай, завтрак, обед, ужин не обойдутся без того, чтобы на столе не остались кусочки и крошки хлеба, которые потом попадут в помойную яму. Собирайте эти крошки, эти жалкие кусочки, выбрасывайте их каждый день в форточку. Туда слетятся воробьи со всего двора, и вы шутя прокормите зимой десяток, другой добрых друзей, которых сгубил бы мороз и голод. Придет весна, и они вам сторицею отплатят за эту услугу.

ПОЛЕВОЙ ВОРОБЕЙ

М

Ы УДЕЛИЛИ много места воробью. Но задача наша — узнать тех, кто живет с нами; а между этими захребетниками воробей — лицо важное, очень важное.

Рядом с домашним воробьем на дворах живет другой — полевой воробей, с коричневой шапочкой и поменьше ростом. В жизни и обычаях этих двоюродных братьев мало разницы; но роль полевого воробья более скромная. Он робок, глуповат; он сторонится человека, боится его. Полевого

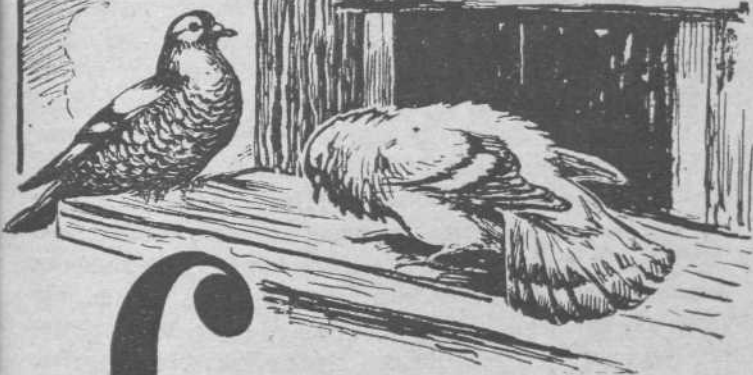
воробья редко встретишь в центре большого города. Он любит сады, берега рек и прудов, обсаженные ивами, потому что там больше его любимой пищи — гусениц, объедающих ивовые листья.

Появился он около человека, по-видимому, просто потому, что увлекся примером старшего брата — домашнего воробья. Он ворует заодно с ним, но робко, неумело. Речная урема с ее ивами ему милее теплых застрех и сараев; здесь не так его беспокоят кошки и мальчишки.

В садах, в огородах, в полях — полевой воробей такой же работник наш, как и домашний; он также усердно истребляет гусениц, но также грабит и коноплю. Оставим его. Есть еще немало захребетников. Под крышами домов и других строений, на чердаках гнездятся голуби, галки, ласточки, сычи; на крышах строят свои гнезда аисты. Все это живет с нами; но, странное дело, всех этих птиц человек любит, всем им он покровительствует, а скворцу даже устраивает скворечницу. Неужели они так полезны, что заслужили эту любовь, это покровительство? Разберем внимательно их деятельность.

ГОЛУБЬ

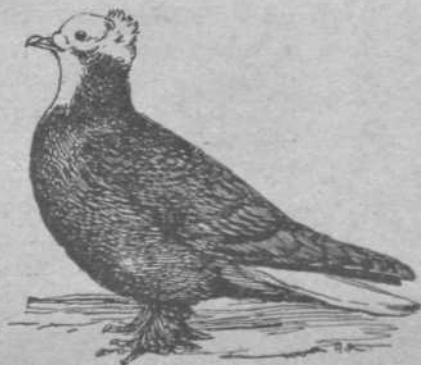
С

О ВРЕМЕН глубокой древности голубь сделался любимцем челове-

ка. Для всех нас голубь образец чистого, доброго существа, семьянина любящего и добродушного; никто не заподозрит в голубе зла; всякий старается оказать ему помощь и покровительство. Посмотрите — около лавок и магазинов толпятся стаи голубей, диких, вольных; тронуть их считается грехом; каждый лавочник, который ни за что не отпустит в долг бедняку фунта хлеба, считает своей обязанностью ежедневно бросать голубям горсть овса или пшеницы.

Голуби питаются исключительно зернами; ни насекомых, ни их гусениц они не едят, следовательно, охранять наши сады, огороды и поля голуби не могут.

Голуби населяют все материки и острова земного шара. Их нет только в студеных, полярных странах, т. е. там,

где мало или вовсе нет цветковых растений, размножающихся семенами. Чем ближе к экватору, тем больше цветковых, семенных растений, тем больше и голубей, так что под тропиками, где самая пышная флора, голубиное население самое богатое. До сих пор известно уже более 280 видов голубей. Из них один вид наиболее заслуживает нашего внимания: это обыкновенный сизый голубь. Если вы хотите познакомиться с ним, всмотритесь в стаю уличных голубей: между ними есть светлые, голубовато-сизые с двумя черно-сизыми полосами на крыле, с такой же полосой на конце хвоста; вот таков именно сизый голубь.

Он до сих пор живет в диком состоянии на скалах многих островов, рассеянных у берегов Европы, на скалах гор Испании, Франции, Италии, Греции, Крыма, Кавказа, по береговым скалам Волги, Дона, Урала, в гористых местах Ирана, Турции и Туркмении. Целые стада этих голубей гнездятся в названных странах, в трещинах скал и в пещерах, промышляя себе пищу по окрестным степям, полям и лугам. Но когда наступит зима, покроет снег степи и поля, голубям негде достать семян и зерен, тогда они покидают родимые скалы и пещеры и переселяются в деревни и города, отыскивая здесь зерна на гумнах, на дорогах, на улицах и дворах. Весной эти голуби обыкновенно снова улетают на свои скалы; но некоторые, издав, как хорошо жить около человека, остаются и на лето в деревнях, выют тут свои гнезда, выводят детей. Эти дети уже и не думают улетать из поселений. Так постепенно сизый голубь водворился около человека и сделался уличной птицей, подобно воробью.

Однако между воробьем и голубем громадная разница. Воробей, поселившись в жилье человека, сохранил вполне свою независимость; он дик и его трудно сделать ручным; в столкновениях с человеком, кошками и другими домашними животными воробей стал недоверчив; его трудно обмануть и поймать в западню. Голубь вовсе не таков: доверчивость — его отличительная черта. Поймать его —

ничего нет легче; сделать ручным, домашним и того легче. Вот и разгадка той любви, которую питают люди к голубю. Со времен глубокой древности, в Индии, в Южной Азии, в Египте — словом, там, где было положено начало цивилизации, уличных голубей приручили совсем. Это, без сомнения, первая птица, прирученная человеком. Оно и понятно: голубь сам напрашивался в домашние птицы. Постоянно веселый, хлопотливый, воркун, голубь своей доверчивостью невольно привязал к себе человека. От этих-то прирученных уличных голубей произошли потом все те домашние голуби, которых содержат на голубятнях: турманы, козырные, гонные или чистые, почтовые, трубастые, дутыши и т. д. Все эти породы выведены человеком искусственно, для своего удовольствия. Но пока оставим этот вопрос в стороне; со временем мы еще поговорим о домашних голубях, теперь же займемся только уличным голубем — мирским захребетником.

Уличные голуби живут во всех городах и селах Европы, Северной Африки, Малой Азии, Ирана, Афганистана и западной части Индии. В Западной Сибири голуби распространились до Алтая, появляясь постепенно, вслед за переселением туда русских. Они живут в поселениях и городах круглый год, гнездятся на чердаках и под крышами. Каждая пара выводит в лето от трех до четырех выводков (по два голубенка каждый раз), так что число голубей к осени должно бы было учетвериться или упятериться. Но множество голубей гибнет от врагов, в числе которых кошка занимает первое место. Много губят их ястребы, соколы, хорьки, куницы и тому подобные хищники. Немало голубей замерзает в сильные морозы. Вот почему число их и не прибывает заметно, особенно в деревнях. В городах хищным птицам не так удобно хозяйничать, поэтому там и голубей больше: но кошки и соколы тут также донимают их, по этой причине голуби предпочитают башни, колокольни, куда кошкам доступ труден.

Кроме своей миловидности, доверчивости и других хороших качеств, голубь, собственно говоря, пользы чело-

Дутыш

Яловинец

веку не приносит. Зиму, весну и лето он живет на счет человека; а под осень, когда кончится жнитво, он больше всякого воробья грабит наши гумна и копны хлеба. Многие пытались оправдать это воровство тем, что голубь на сжатых полях, на пару и залежах истребляет массу семян сорных трав. Однако это мнение лишено всякого основания. Сорные травы, подобно другим, производят такое громадное количество семян, что истребить их не могут голуби всего мира. Возьмите комок земли с такого места, где никогда на вашей памяти не росло ни травинки, положите этот комок в цветочный горшок, разомните его, уровняйте, потом поливайте, как это делают с растениями, и поставьте на солнце; через несколько дней на поверхности комка появятся всходы разных растений. Откуда они взялись? Это проросли семена, лежавшие много лет в земле; им не хватало влаги и тепла; вы дали и то и другое. Ростков выйдет так много, что вы устанете считать. Поэтому говорить об истреблении сорных растений голубями — сущий вздор.

Скажем прямо: уличный голубь пользы нам не приносит, но и зла не делает. Он съест несколько горстей зерен в снопах хлеба, а больше ест то, что брошено, что растеряно по полям и дорогам, при сборе и перевозке хлеба. Значит, вы скажете, голубь — дармоед, а всякий дармоед вреден; следовательно, голубей надо не кормить, а истреблять. Совсем нет. Голубь оказывает услуги человеку, важные услуги; я расскажу об этих услугах после в особом очерке, посвященном домашним голубям, а теперь замечу только, что уличный голубь живет на пенсии, вполне заслуженной им.

ЧЕР
БЫЛ
ГЛА
КА
В
НО
КО
У
А,
О
А
И
Г

ГАЛКА

Н

ЕТ ДЕРЕВНИ, села, города на Руси, где бы не было галки. Веселая, добродушная, глуповатая галка не вызывает ни в ком ни приязни, ни ненависти. Ее терпят, ее не преследуют, но и не кормят.

По правде сказать, галка и воробей, как

два сапога — пара. Часть года галка ворует и живет на наш счет, другую часть года служит нам. Наступит март месяц — стаи галок, бродившие по улицам, разобьются на парочки. Каждая пара найдет укромный уголок на чердаке, под застрехой крыши, в дупле дерева, а то просто в печной трубе; натаскают они прутьиков, кошмы, воллсу, перьев, тряпок, всякого сора. Галочка положит четыре или пять яичек. Это бывает уже в половине марта. Выклюнутся галчатки, голые, слепые, крикливые. Старые галки целый день таскают им пищу. Они обшарят огород, сад, выгоны, где пасут скот; они первые явятся на пашню, как только начнут пахать под яровой хлеб. Всякие насекомые и их гусеницы состав-

вляют почти исключительную пищу галок весной. В половине мая молодые галочки вылетят из гнезд и поведут их старики на луга, на поля, на выгоны, приучая искать пищу.

Так все лето галки едят насекомых, и только осенью уже, за недостатком этой пищи, они нападают на хлебные поля, на снопы, отыскивая здесь зерна. Всю зиму галки питаются чем попало; они бродят по дорогам, по улицам, по дворам, по гумнам. Следовательно галка, подобно воробью, осень и зиму живет на наш счет, весну же и лето работает усердно на нас, истребляя множество насекомых и их личинок.

Галка — одна из самых веселых птиц; вечно довольная, болтливая, она издавна приютилась около человека. Но больших городов она не любит: это настоящая деревенская жительница. Здесь ей сытно, привольно; здесь ее никто не обижает. Крестьянки в иных местах пользуются даже галкой как насадкой. Деревенские куры, вследствие дурного содержания, садятся на яйца очень поздно, поэтому, чтобы получить ранних цыплят, когда галка нанесет в свое гнездо полное число яиц, их выбрасывают и кладут туда два куриных. Не подозревая обмана, галочка усердно сидит на них. Но надо видеть ее удивление и беспокойство, когда из яиц выклюнутся цыплята. За галкой в это время следят и тотчас же отбирают у нее цыплят, иначе она заклюет их.

Вынутые из гнезд, галчата скоро привыкают к человеку и привязываются к нему, как собаки. Их можно держать совсем на воле; летая по двору, по полям, они являються на первый зов хозяина, сопровождают его везде, поэтому сделать домашней галку так же легко, как и голубя, да сверх того, она гораздо полезнее его. Одна беда: от галок весной сильно достается огородам; они выклевывают молодые ростки овощей.

Злейший враг галки — кошка; она таскает галчат из гнезд, а порой ловит по ночам и самих галок.

СЫЧ

Н

А КРЫШАХ домов, сараев и других зданий на Украине, да и вообще в южной половине России, вы под вечер часто встретите маленькую, большеголовую

пресмешную фигурку — сыча домового. Это одна из самых мелких и красивых сов.

Сыч, подобно другим захребетникам, приютился у человека с самой невинной целью. Буквально никакого зла он нам не делает и ничего не ворует. Его привлекают темные чердаки; там он прячется от дневного света, устраивает свое незатейливое гнездо и выводит детей. Жилье привлекает его к себе и потому еще, что на скотных дворах, на улицах много жуков, а в садах и огородах и еще того более. Почти всю ночь сыч неугомонно охотится за летающими жуками, бабочками и другими ночными насекомыми. Это главный истреби-

тель майских жуков, следовательно, птица чрезвычайно полезная.

Между тем народ не любит сыча и питал к нему суеверный страх. Крик сыча считался признаком приближающейся беды. Поэтому сыча, особенно его гнезда, истребляли, где только найдут.

Взятый из гнезда сыч легко приручается и привыкает к человеку. Но вообще это робкая птица, не отличающаяся большим умом.

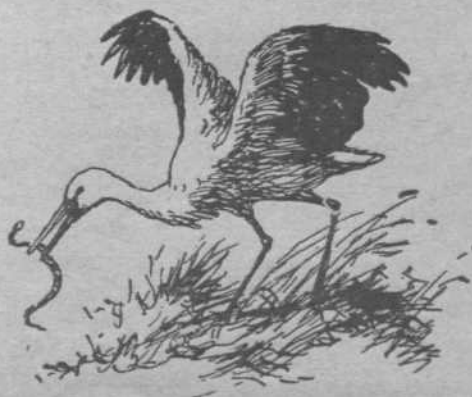

АИСТ

В

ЮГО-ЗАПАДНОЙ полосе России и в Польше на крышах хат можно встретить большую белую птицу с черными крыльями, с красными ногами и клювом; ее зовут там бочаном, черногузом,

лелекой или аистом. Это любимец крестьянина, который считает за особенное счастье, если на хате его появится пара аистов, и нарочно укрепит там старое колесо

или кучку хвороста, чтобы аистам удобнее было свить себе гнездо. Он ждет с нетерпением, прилетят ли весной его аисты с далекого юга, где они зимовали.

Воротясь домой, аисты поселятся в старом гнезде, поправят его, самка положит три, четыре яйца и выведет детенышей. Молодые аисты растут медленно, так что целых два месяца старые кормят их в гнезде.

С раннего утра аисты отправляются на соседние луга и болота, на берега рек, озер и прудов, на поля и в степи отыскивать корм. Пищу их составляют крупные насекомые, особенно кобылки и саранча. Они едят почти все живое, что только удастся схватить: улиток, мышей, лягушек, змей, ящериц, сусликов, хомяков, молодых птичек; на мелководье они ловко ловят карасей и другую рыбешку. Поэтому вред и пользу, приносимые человеку аистом, определить трудно, даже почти невозможно.

Правда, ни овощей, ни фруктов, ни зерен аист не трогает, но он не упустит случая позавтракать цыпленком, гусенком или утенком. Несмотря на это, суеверная любовь к аисту так велика, что ему все прощается, и никто не решится обидеть этого захребетника. Осенью аисты собираются в большие стаи и улетают на юг, где проводят всю зиму на берегах Африки и на ее реках.

ХОХЛАТЫЙ ЖАВОРОНОК

В

УКРАИНЕ и во всей южной, степной полосе России, также в Крыму и на Кавказе, на дворах между воробьями всегда встретишь хохлатого жаворонка, или соседку, как его называют украинцы. Он быстро снует по двору, по улице, в огороде, гоняясь за насекомыми. Далеко в степь хохлатый жаворонок не летает; его почти никогда не увидишь вдали от жилья; это настоящая дворовая птичка. Он живет оседло, не улетаю на зиму к югу. Весной, в апреле, пара «соседок» совет кое-как гнездо: это просто ямка, где-нибудь на земле (чаще всего там, где сложен кизяк¹), выстланная травинками и перышками. Самка положит пять или шесть сереньких, пестреньких яи-

¹ Сушеный навоз, смешанный с глиной и употребляемый как топливо.

чек и усердно сидит на них две недели. Самец помогает ей в высиживании, чаще же сидит где-нибудь поблизости и поет свою веселую песенку. Иногда он, как полевой жаворонок, поднимается в воздух, трясется на одном месте и бойко распекает. Песня эта немудреная, но веселая, богатая трелями.

Весну и лето жаворонок питается исключительно насекомыми; осенью он подбирает зерна по дорогам, улицам и на молотильных токах. Зимой перебивается кое-чем, отыскивая съедобное на гумнах, около конюшен и хлевов, в сорных кучах.

* * *

Вот и все птицы, которых можно считать настоящими мирскими захребетниками, или домовыми. Никто их не приручал. Они сами еще в отдаленные времена постепенно присоседились к человеку, но тогда, когда тот уже завелся домом, когда стал свозить к своей хижине запасы сена, зерен и корней.

Зная жизнь и привычки домашних птиц, мы можем совершенно точно определить, что именно привлекло каждую из них к человеку. Прежде всего они в безопасности в наших жилищах от хищников, которые боятся человека, а затем они находят у нас постоянные запасы разной пищи. Нет сомнения, что все эти захребетники приютились и обжились в домах раньше, чем человек завел кошку, иначе многих из них мы не видали бы в своих жилищах. Эта противная ханжа, прирученная специально для истребления крыс и мышей, предпочитает им домашних птиц как более дешевую добычу. Целую ночь бродит она по чердакам, отыскивая птенцов голубей, галок, воробьев и других птиц. Ее бархатная лапка ловко запускается в скворечницы, чтобы вытащить оттуда скворчат. Даже птенцы аиста не застрахованы от этой хищницы. Она не дает спуска и взрослым птицам. Охота на воробьев составляет любимое занятие каждой кошки. И ни один разумный хозяин не станет держать это лукавое, неблагодарное животное, которое часто не умеет исполнять своих прямых обязан-

ностей, а истребляет только полезных нам птиц. Кошка бродит по огородам, садам, конопляникам все с одной и той же целью — истребления птичек, охраняющих наши овощи и фрукты. Вред, наносимый нам кошкой, трудно даже себе представить.

Между тем мы видели, что все птицы, живущие у нас в строениях, несомненно, нам полезны; даже вор-воробей и тот полезен. Мы видели также, как несправедлив человек к этим захребетникам, как он гонит сыча и воробья, крайне ему полезных, как бережет аиста и любит голубя, хотя аист наносит ему больше вреда, чем воробьи, а голубь, не принося никакой пользы, есть не что иное, как нахлебник, живущий на наш счет. Что делать: такова сила привычки и темного незнания.

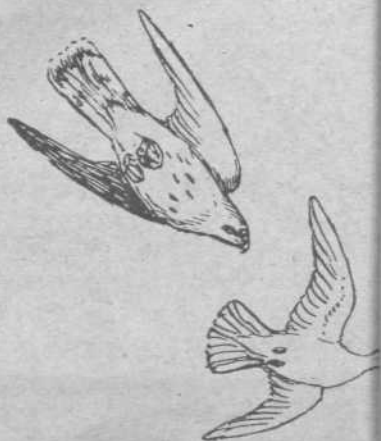

НАЛЕТНЫЕ ВОРЫ

К

РОМЕ перечисленных птиц, полноправных граждан нашего дома, есть много и очень много других, которые ищут также помощи и защиты у человека, укрываясь в огородах, садах, выгонах; но мы не будем пока говорить о них, а займемся только теми, что живут у нас в домах, в надворных строениях или просто на дворе. С нашими пернатыми квартирантами мы уже познакомились. Но есть еще незваные гости, есть налетные воров; о них следует сказать словечко, потому что порой они вреднее постоянных квартирантов. От налетных воров достается немало нашим домашним птицам, особенно молодым, маленьким.

С весны и до осени каждый день коршуны усердно

осматривают деревенские дворы. В известный час дня вы увидите коршуна, высоко плавающего в воздухе. Не двигая почти крыльями, он на значительной высоте кружит над селом, зорко осматривая улицу, дворы и задворки. Вывела клушка цыплят на картофельник; разбрелись они врозь, гоняясь за жучками, мушками; вдруг откуда ни возьмись налетел коршун, схватил цыпленка и был таков. В испуге бегают бедная клушка, сбежались к ней под крылья цыплята, но... одного уж нет.

Деревенские дворы очень часто посещаются еще другими хищниками: ястребом-перепелятником, ястребом-утятником, соколом, подсокольником, лунями, а ночью разными совами.

Подсокольник охотится только за мелкими птичками: за воробьями, ласточками, скворцами, жаворонками; домашнюю же птицу он никогда не тронет.

От перепелятника, кроме мелких птичек, достается голубям, галкам, а порой и цыплятам.

Луни редко схватывают цыплят, разве случайно, потому что ни одна клушка не даст им в обиду свой выводок. Они ловят при случае мышей и крыс, когда те прогуливаются по дворам и огородам.

Но злейший враг домашней птицы — это ястреб-утятник. Он ловит не только утят и цыплят, но и старых уток и кур. Раз повадится этот ястреб летать в деревню, он изведет много птицы. Есть одно только средство отделаться от разбойника: меткий выстрел из ружья. Осенью и зимой особенно часто посещает он села и даже города. Дерзость утятника изумительна: он хватает птиц на глазах у людей в двух-трех шагах от них, за что иногда платится головой.

Среди городов на высоких деревьях зимней порой появляется иногда сокол. Горе тогда голубям уличным и домашним. Много их переведется в одну зиму. Едва только взгонит стаю турманов какой-нибудь любитель-голубятник, как сокол быстро поднимается с высоты и летит зигзагами кверху. Заметили голуби хищника, быстро сомкну-

лись, и вся стая пошла торопливо, кругами, все выше и выше. Хищник и голуби из всех сил стремятся вверх, в голубую синеву. Если удалось соколу подняться выше голубей — кончено, один или два из них непременно погибли. С быстротой стрелы падает он в стаю; удар страшных когтей сразу разрежет, как ножом, шею голубя; сокол не даст ему упасть, а подхватит на лету, унесет и медленно поедает свою жертву.

Темной ночью нередко жалуется к нам в гости серая сова. Ее напрасно винят в краже кур. Она их не трогает. Соинные воробьи — это иное дело; их совка очень любит; достается от нее также мышам и крысам, за что можно сказать ей только спасибо.

Иное дело, если явится в гости филин; горе тогда уткам и гусятам, коли они заночевали на дворе: одной, наверное, на утро не досчитаются.

НАДВОРНЫЕ ГОСТИ

А

ВОТ и еще милые гости из почтенной фамилии «Вороновых». Это серая ворона, ворон и сорока. Все—вор на воре. Чувствуя за собой грешки, все они живут поодаль от нас, в лесах и рощах. Ворон, впрочем, гнездится иногда на высоких колокольнях и башнях, где почти невозможно достать его. Города и села посещаются им в течение целого

года, особенно осенью и зимой. Чаще всего он держится около скотобоев, кожевенных и салотопенных заводов или там, где выбрасывают мусор и трупы животных. Это самый исправный санитар; поэтому можно простить ему, если он стащит подчас цыпленка или котенка.

Сороки промышляют всюду: на улицах, по гумнам, на дворах; зимой каждый день их видишь на сорных кучах, где они подъедают всякую дрянь. Домашним птицам сорока вреда не делает. За нею водится только один грешок: она ужасно любит блестящие и металлические вещи, поэтому утащит всякую серебряную вещицу, которую потеряли на дворе, всякую пуговку, стеклышко и т. п. Все это она сносит к себе в гнездо или куда-нибудь в укромное место. Из-за этой непонятной страсти к воровству ручных сорок решительно нельзя держать в доме. А между тем такая сорока — одна из самых забавных, умных и понятливых птиц; к тому же она легко выучивается говорить несколько слов.

Теми же качествами отличается и серая ворона. Но это уже настоящий вор. Она крадет все, что плохо лежит, и блестящее, и съедобное. Почти ежедневно вороны расхаживают у нас по двору, отыскивая поживы. Они осмотрят все сарай, все уголки. Зазевается клушка — ворона схватит цыпленка и была такова. Она мастерица отыскивать места, где куры кладут яйца, и исправно ворует яички; дотронется яйцо клювом, схватит его и летит с ним в укромное местечко позавтракать.

* * *

В тихие летние ночи дворы наши навешаются полуночниками, которые ловят здесь летающих жуков и бабочек.

Осенью появляются лесные гости — синички, дятлы, поползни. Они тщательно осмотрят все деревянные постройки, отыскивая в щелях насекомых и их яички. А зимой на дворе, на сорных кучах и на навозе составляется целый клуб. Кроме домашних захребетников, тут прыгают вороны, сороки, овсянки, чечетки, снегири, щеглята, синички и др. Всех их пригоняют зимний холод и голод. Голодные, иззябшие бедные птички невольно вызывают сострадание. И как легко помочь им! Нужно прикармливать птиц в студеную пору и делать это постоянно и очень

настойчиво. Можно расчистить от снега площадку земли в несколько квадратных аршин где-нибудь перед окнами, в цветнике или садишке. Каждый день бросать туда крошки хлеба и другие остатки от стола, хлебные зерна, конопляное семя. Птички до того привыкают к этому угощению, что в обычный час кормежки на окрестных кустах и деревьях собираются целые стаи их. Тут являются воробьи, голуби, галки, сороки, вороны, снегири, зяблики, реполовы, чечетки, красивые щеглы, черные дрозды, словом, и не перечтешь. Эти пестрые гости кричат, снуют с ветки на ветку, ссорятся, суетятся. Как только выбросят на площадку корм, все кидается туда; шум, драка, крик доходят до крайних пределов; все смешивается в общей куче; каждый торопится взять свою часть. А у окон теснится целая толпа детей; им хочется посмотреть на птичий завтрак. Но это еще не все.

Птиц надо охранять от кошек и других врагов. Кроме того, в садах, на огородах, на домах необходимо вывешивать искусственные гнезда: дупла, скворечницы, открытые ящики. Самые разнообразные птицы гнездятся в таких ящиках и дуплах. Зато они вознаграждают человека сторицею весной и летом. Эти зимние нахлебники, эти приютившиеся в дуплах бедняки, с весны до осени стерегут плоды, овощи и цветы своего хозяина, обирая дочи́ста всех вредных насекомых.

Миллиарды птиц, накормленных зимой, будут заняты истреблением вредных насекомых, чего не в состоянии достигнуть сам человек.

Будем собирать все съедобные остатки от стола и вместо помойной ямы станем бросать их на какое-нибудь видное местечко, расчистив его предварительно от снега. Много лишних яблок, груш, слив, разных ягод достанется нам в награду за этот ничтожный труд.

А разве не доставят нам удовольствие эти веселые, сытые певуны? Разве не приятно нам будет, что мы им

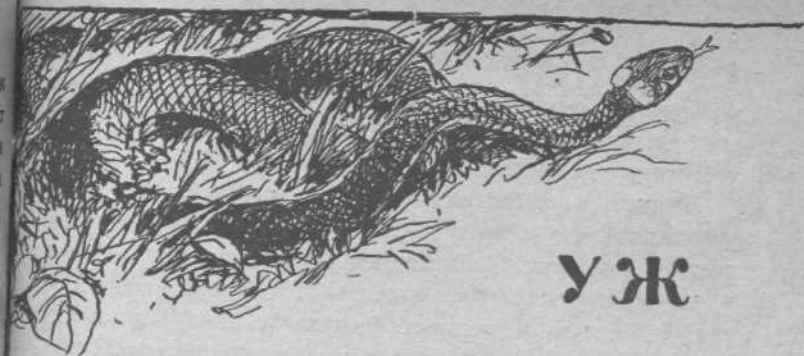
принесли пользу? Разве не весело нам будет видеть, как они ручнеют, перестают нас бояться и свободно дают наблюдать себя вблизи? Наконец, есть еще полезная сторона в этом. Если вы любите держать птиц в клетках, если вам доставляет удовольствие их пение, то, прикормив птичек на точок, вы можете легко ловить их самыми простыми ловушками, потому что они до известной степени уже привыкли к вам и потеряли свою обычную недоверчивость. Мало того, вы можете ловить тут певцов на выбор, чего в лесу и в поле сделать нельзя.

Еще лучше, если вы займетесь устройством искусственных гнезд и расставите их побольше в вашем садике, цветнике, на огороде и около дома. Тогда вы можете не только наблюдать за выводом и жизнью птичек, что обыкновенно очень трудно и дается случайно, но можете выбирать молодых, воспитывать их, делать ручными. А ручная птица, не скушающая по свободе, много занятнее и веселее, главное же, она к вам привяжется всей душой.

Когда-нибудь в другой книге¹ я расскажу вам, как делаются искусственные гнезда для разных птиц, где и как их помещать, как выкармливать и приручать молодых. А пока займемся до конца мирскими захребетниками. Ведь их еще много.

¹ См. М. Н. Богданов, «Рассказы из жизни русской природы», Учпедгиз, 1960.

У Ж

К

А К! и ужа вы считаете захребетником? Что ж делать. Из песни слова не выкинешь. Правду сказать, ужи редко живут в наших жилищах, а попадаютс нам на глаза и того реже, потому что уж тоже не дурак: он знает, что встреча с хозяином грозит ему увечьем.

Уж не только не ядовит, но даже и укусить-то не может. Зубы его так мелки, что он не в состоянии даже оцарапать ими кожу человека. А терпит он напраслину за свою злючку кузину¹ — гадюку. Если вы пересилите свое отвращение к змеиной фигуре ужа и познакомитесь с ним поближе, то, может быть, ваше мнение о нем совсем изменится. Но я отнюдь не намерен защищать ужа. Я, вообще, не люблю змей. Это уроды, тупые, злые и эгоистичные.

¹ Двоюродная сестра.

Почему змею я называю уродом, об этом поговорим впоследствии, а что они злы и трусливы, в этом вы можете убедиться при первой встрече со змеей.

Называя ужа безвредным для человека, я не думаю утверждать, что в нем нет змеиных качеств: злости, глупости и хищности. Ознакомимся немножко с его жизнью и деятельностью. Уж водится в Европейской России, в лесных и степных местах; но всюду он любит жить по берегам рек, прудов и озер, на болотистых лугах, по огородам, а изредка и в самих селениях. Около человека он поселяется редко потому только, что очень боится его, хотя житейские выгоды и привлекают его к человеческому жилищу.

Здесь ему сытно и тепло, как и другим захребетникам. Уж любит мелкую живность: мышей, птенцов маленьких птичек, которые гнездятся на земле, а пуще всего лягушек и жаб. Мышей на наших дворах не оберешься. В садах и огородах, по берегам рек лягушек и жаб множество, но мыши и жабы не могли бы привлечь ужа в жилище человека: его, большей частью, влечет сюда тепло. Забравшись на двор, уж поселяется обыкновенно под полом конюшен и хлевов, около навозных куч. Навоз, как известно, в самое холодное время сохраняет теплоту, потому что в нем происходит постоянное брожение. Эта теплота и привлекает ужа.

Подобно всем змеям, с наступлением осенних морозов, чтоб не замерзнуть, он прячется в норы различных зверьков, заползает в дупла и под корни деревьев, зарывается в гниющие, опавшие листья. Но русский мороз шутить не любит и губит ежегодно бесчисленное множество ужей. Чтоб спасти себя, уж старается забраться на зиму в такое место, где его не достанет мороз: в стога сена, в копны хлеба, в овины, в навозные кучи. Заботясь о себе, уж заботится также о своем потомстве, поэтому весной он кладет свои яйца (от 15 до 30 штук) в кучу гниющих листьев или зарывает их в навоз.

Яйца ужа формой своей очень похожи на голубиные и покрыты плотной, упругой оболочкой. Уж кладет их

обыкновенно в июле или в начале августа в навоз или в гниющие листья, чтобы теплота навоза или листьев помогла развиваться в них зародышам — маленьким, красивым ужаткам. Недели через три ужатки развиваются в яйце совершенно, подобно цыплятам прорывают упругую белую оболочку, заменяющую скорлупу, выползают из навоза и отправляются отыскивать себе пищу.

Новорожденный ужонок — бойкая и красивая змейка, около четверти аршина длины; как только он обсохнет, в какой-нибудь час, полтора, его мягкий покров делается таким же упругим, как и у старого. Первая забота ужонка — спрятаться хорошенько в траве. Это ведь сирота; это не глупый галчонок или воробьенок, которому отец и мать целые дни таскают пищу. Здесь не то. Снесет уж свои яйца, зароет их в навоз, и кончены все его заботы.

Бедный ужонок и в глаза не видит ни отца, ни матери. Прошел день, другой после того, как он выполз из яйца, голод дает себя знать, а где искать пищу, какая это пища, как ее добыть — того никто не скажет ужонку. Сам ищи, сам догадывайся, кого можно съесть. Вот и ползает он в густой траве, хватая все, что движется, все живое. Сообразите сами, сколько он потерпит неудач. Схватит жертву не по силам — подавился, а то и головой поплатился; и вот из многочисленного потомства ужа в иной год не останется никого, все пропадут. Да кроме того, на ужинное мясо тоже ведь есть охотники. В зеленой мураве лугов бродит колючий еж, самый страшный бич и истребитель змей. Молодым ужонком не побрезгует также ни ласочка, ни хореk. По сухим тополям, в лугах сидят канюки — толстые, неповоротливые хищные птицы, для которых змеиное мясо — первое лакомство. Да всех врагов и не перечтешь. Надо подивиться, как еще водятся у нас ужи. Но чем дивиться, лучше проследить, как живет уж.

Лишь только начнет падать лист с деревьев, уж забегает на зимовку. Мы говорили куда. Но вот зима приходит к концу. Те ужи, которые спрятались полвее в теплые, укромные места и которых не сгубил мороз,

с наступлением весны, в апреле, просыпаются и вылезают наружу. Полусонные насекомые, улитки, выползшие погреться на солнце, доставляют ужам обильную пищу. Отогрелся на внешнем солнышке уж, собрался с силами, и вот кожица на его губах лопается, а затем эта кожа отстает от всего тела. Уж обвивается около какого-нибудь деревца или колышка и начинает в буквальном смысле из кожи лезть. Действительно, старая кожа остается тут только в виде полупрозрачного чехла, имеющего форму ужа, а сам уж далеко. Дело в том, что уж, как и другие животные, линяет. Но линька эта своеобразна. Под старой, отжившей кожей вырастает молодая, а когда она вырастает совсем, старая кожа лопается на губах и через это отверстие уж вылезает, как из чехла. Молодая кожа блестит яркими красками, отликает глянцем, словом, уж помолодел. Движения его быстры, аппетит после зимнего сна хорош, и он отправляется на промысел. Он прополз лугом, попробовал поймать жучка, бабочку — не удалось: ведь они тоже весной ловки и увертливы, в них тоже играет жизнь, разогретая внешним солнцем. Уж не унывает. Он знает, где его добыча.

Быстро, без шума скользит он к берегу пруда или болота. На самом берегу и в воде — всюду раздаются задорные крики; это квакают толстые, большие, зеленые лягушки. Им вторят травяные лягушки. Заунывно урчат жабы. Как немазаное колесо, поскрипывают жерлянки. Лягушачий концерт в полном разгаре. Вот на свесившихся ветках тростника солидно урчит старая лягушка. Увлеченная песнями товаров, она совершенно забыла о врагах. А из чащи зеленой береговой травы уже высунулась блестящая черная головка, с желтыми пятнышками на затылке. Глаза ее неподвижны, зато раздвоенный язык беспрестанно высовывается из полуоткрытого рта. Подождите минутку, а пока взгляните на наш рисунок.

Объяснить вам нечего, чья это головка и что она сделала? Схватил голодный уж лягушку за задние ноги и начал

ее проглатывать. Это ужасная пасть! Лягушка вдвое толще его, но не беспокойтесь, он не подавится, рот его растягивается без труда, и вот лягушка постепенно пропадает в этой утробе. Она еще жива и из всех сил цепляется за тростник передними лапами; она кричит отчаянным голосом, но, увы! вся ее сила в задних ногах, а они давно проскользнули в глотку ужа. Широкая пасть постепенно подвигается все ближе к лягушачьей голове; вот и голова в этой пасти; еще минутка — исчезли и ноги. . . Тю-тю лягушка! Вы можете наблюдать, как она постепенно подвигается по телу ужа через пищевод в желудок. Воля ваша, глядя на эту трапезу, я не желал бы быть ужом — до такой степени груден и утомителен процесс глотания. Силы оставляют ужа. С большим трудом, тихо и медленно переползает он в чашу травы и засыпает глубоким сном. Теперь он беспомощен и беззащитен; теперь он в свою очередь становится добычей всякого хищника, который любит ужинное мясо. Не ранее, как дня через два, через три, лягушка переварится в желудке ужа, и он снова отправится на охоту.

Так проходит все лето, да и вся жизнь ужа. Поселясь в наших домах случайно, он не может нам сделать прямо вреда, т. е. укусить, ужалить. Он поймает несколько мышей за лето, чем окажет нам услугу, но зато съест также несколько десятков лягушек и жаб, которые нам, безусловно, полезны. Поэтому ни вредным, ни полезным ужа назвать нельзя, и ежели он селится около нас, то хлопотать о нем не стоит. Я бы прогнал его, что не составит большого труда; но, с другой стороны, если ужа не преследуют, он скоро привыкает к человеку, делается смелее и дает возможность познакомиться с ним, узнать многое из жизни того класса уродов, скрытных и злых, которых называют змеями.

Гораздо вреднее уж в другой среде. Если у вас есть пруд, озерко или сажалка, где вы разводите рыбу, предупреждаю вас: берегитесь ужа. Он отлично ныряет и пла-

вает, он может проводить целые дни в воде. Горе вашей рыбе. Он в воде быстрее щуки, ловчее выдры. Если повадился уж в вашу сажалку — много молодых карасиков и других рыбок вы не досчитаетесь там.

Говорят, например, что уж сосет молоко у коров. Ведь это сущий вздор, и никто этого доподлинно никогда не видал. Мы теперь знаем, почему уж держится около хлебов. Ему нужна не корова, а теплый навоз, куда он приютит свои яйца.

ЖАБА

А

ВОТ и еще постоялец, и тоже нелюбимый человеком. Под вечер, проходя по двору, часто встречаешь маленькое, молчаливое существо, без шума прыгающее по земле. Ах, жаба! фу, какая мерзость! Чувство глубокого отвращения порождает в нас жаба своим видом, своей мокрой бородавчатой кожей, отделяющей едкую, вонючую жидкость. Свойства этой жидкости известны издавна; ей даже приписывают чересчур ядовитое свойство, поэтому и отвращение к жабам совершенно понятно. В сущности же это животное безобидное и крайне полезное человеку. Жаба, подобно другим лягушкам, питается насекомыми, их личинками, червями, моллюсками. Она по-

лезна особенно потому, что охотится преимущественно ночью, истребляя ночных насекомых, самых страшных врагов наших огородов, полей и лугов. В постояльцы наших домов жаба записывается случайно. Она не любит света, ей вреден сухой воздух, а потому с наступлением дня она прячется в темные, сырые места. Будет ли это подполье бани, или шалаш огородника, или нора зверка — ей все равно. Нет под рукой такого укромного уголка — она спрячется под лежащий камень; а то выроет себе норку в земле и сидит там, терпеливо дожидаясь, когда кончится летний день. Подобно другим лягушкам, на зиму жаба зарывается в ил или прячется в норе, впадая в зимнюю спячку. Весной же, как только сойдет снег, вскроются озера и пруды, стечет снеговая вода в лужи. жаба просыпается, выходит из своего убежища и отправляется в воду метать икру. Покончив с этим делом, она снова возвращается на сушу и принимается за свой мирный и полезный промысел — истребление насекомых. Если вы не знаете, как она их ловит, взгляните на рисунок.

Заприметив насекомое, жаба сторожит его, как кошка, потом вдруг прыгнет, шлепнет языком и проглотит.

Язык этот — своего рода диковинка.

Он прикреплен во рту не задним, а передним концом, задний же конец свободен и выбрасывается жабой наружу, так что она шлепает языком насекомое. Добавим, что язык этот покрыт липкой слюной, отчего насекомое пристаёт к нему и таким образом втаскивается в рот жабы.

Из всех наших лягушек жаба самая доверчивая и самая медленная в движениях, поэтому враги лягушиного рода давно бы извели ее, если бы природа не наделила это животное защитой более надежной, нежели острые зубы. Голова и спина жабы покрыты бородавочками, в которых сидят железки, вырабатывающие едкую, ядовитую жидкость. Эта жидкость, попав на кожу человека, производит зуд; а если на коже есть царапинки, то зуд заменяется жгучей

болью. Если вы возьмете жабу в руки и потом потрете себе глаза, то почувствуете тотчас же острую жгучую боль, да кроме того, за это можно поплатиться воспалением век. Но вообще доказано, что для человека этот яд не особенно страшен. Иное дело — для мелких животных. Птицы, рыбы, лягушки, которым давали проглотить небольшое количество этого яда, умирали в несколько секунд, в сильных конвульсиях. Собака, раз попробовавшая схватить жабу, уже никогда больше не дотронется до нее. Едва ли найдется такой хищный зверь, который решился бы съесть жабу. Итак, острый, жгучий яд железок спасает жабу от врагов, но только не от ужа, который преспокойно ест ее. Значит, жаба вам вреда не сделает, только не берите ее в руки, даже, напротив, принесет огромную пользу, очищая овощи и ягодники от насекомых и улиток. Жаба гораздо умнее ужа и легко приручается; но, вероятно, найдется мало охотников приручать ее, зато гораздо больше встретишь таких людей, которые не хотят дать себе труда изучить жабу, а в то же время мастера сочинять всякие нелепые басни на ее счет. Так, например, существуют две басни. Одна из них о дожде из жаб. Утверждают, что были случаи, когда жабы валились с неба вместе с каплями дождя и покрывали землю в несчетном количестве. Смысл басни сей таков: в сухую погоду земля растрескивается и жабы, особенно молодые, прячутся в эти трещины, спасаясь от жары и сухости воздуха. Но лишь только хлынет проливной дождь, эти отшельники выскакивают из своих убежищ и прыгают по земле.

Другая басня заключается в том, будто находили жаб замурованными в стенах. Не имея возможности ни выйти из своего заключения, ни питаться, они все-таки жили там в течение десятков и сотен лет. Точные же опыты известных ученых показали, что жабы действительно живучи и могут прожить замурованными до полутора лет, но никак не десятки и не сотни лет. Подобной живучести нечего особенно удивляться, так как семь месяцев в год жаба и на воле проводит в оцепенении, не принимая пищи.

Итак, из группы гадов (пресмыкающихся) только уж и жаба живут вблизи человека: уж — случайно и редко; жаба же — сплошь и рядом. Правда, оба они противны, но приютились у нас не из корысти, не с целью поживиться нашим добром. Уж ищет навоза, чтобы погреться, а человек оклеветал его в воровстве молока. Жаба ищет, напротив, тени, сырости, прохлады от дневного зноя. На эту даже поклепать-то не в чем, а все-таки темный человек при первом случае раздавит ее сапогом, не зная, как много она помогает ему в уходе за огородом. Я бы помирился и с ужом если бы он не ел жаб. Ведь за тех мышей, которых он поест надо же и ему дать пощаду.

МУХА

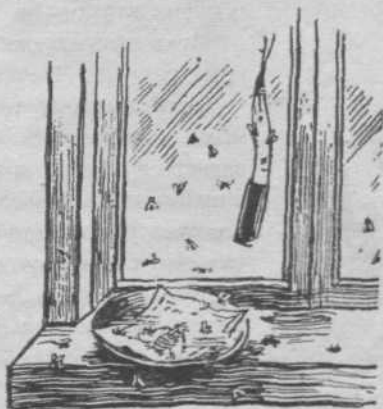
Д

О СИХ ПОР мы говорили о тех захребетниках, которые принадлежат к группе позвоночных животных.

Жизнь их нам понятна, вот почему нам легко было разузнать, зачем они поселились у нас, кто из них приносит вред, кто пользу.

Условившись с вами поговорить о них беспристрастно, я думаю, что мне ни разу не пришлось покривить душой: назвать злого добрым, вредного — полезным.

Сводя с ними счеты, мы должны были убедиться, что из всех позвоночных животных, которые живут в домах человека, лишь очень немногие способны сделать нам зло. Напротив, огромное большинство их наши лучшие друзья, которым мы обязаны оказывать возможную защиту и помощь, и не для того, чтобы прослыть покровителями животных, а просто из личных выгод.

Теперь посмотрим на других захребетников, которые относятся к отделу животных беспозвоночных.

А кто не знаком с мухой? Найдется ли человек, которому бы мухи не мешали спать; которому бы они не надоели, докучливо ползая по лицу, по рукам; которого бы хотя раз в жизни не стошнило оттого, что он проглотил муху? Нет, такого не найдется на всем пространстве земли от самых крайних поселений в полярных странах до экватора.

А скажите мне, пожалуйста, хорошо ли вы знаете муху? Сомневаюсь. Вы знаете, как выводят детей воробьи, как воспитывают своих детенышей мыши; только о мушиной детке вы, наверное, и ничего не знаете. Откуда берутся мухи? Отчего они пропадают? Да, это вопросы важные в нашей жизни. Если мы дознаем это, то, будьте уверены, мух будет меньше. К сожалению, редко кто обращает внимание на мух. От них только отмахиваются, на них только сердятся; к мухам привыкли, и редко, редко какой-нибудь ученый в свободное время задумается: а что это такое — муха? Дай-ка я займусь ею. И каждый раз результаты эти занятий бывают поразительны. До сих пор немногие ученые занимались мухой, но то, что они дознали, вас, может быть, удивит; а дознали они то, что муха — один из злейших врагов человека.

Прежде чем говорить, какой вред наносит муха, расскажем, кто она и как живет.

Муха принадлежит к классу насекомых, к отряду двукрылых.

Если вы желаете ознакомиться с строением насекомых, то обратитесь к любому учебнику. Мне не хочется вдаваться теперь в эти подробности, потому что иначе пришлось бы написать целую книгу; постараюсь только рассказать вам о домашней мухе, что узнал сам, что вычитал, что слышал от добрых людей. Двукрылые насекомые, к которым принадлежит муха, — это птицы между беспозвоночными. Они населяют всю землю от одного полюса до другого. Ни жук, ни бабочка не сравнятся с ними в силе и быстроте полета. Ни жук, ни бабочка не в состоянии подняться так высоко в воздухе.

Полюбуйтесь на муху, как быстры и ловки ее движения. Мы говорим: бабочка «порхает»; и действительно, ее полет не ровен, не верен: она как будто случайно направляется к тому или другому цветку. Можно ли сравнить с нею муху? Сядет муха нам на кончик носа, прогонишь ее — она сделает круг по воздуху и опять очутится на том же месте. Прогонишь ее еще раз — она тут как тут. Ничто так не бесит, как эта назойливость. Собственно говоря, муха нам вреда не делает тем, что садится на нос; весь вред заключается в том, что она раздражает кожу своим ползанием. Домашняя муха, вооруженная мягким сосательным хоботком, не может прокусить наше тело или причинить какую-нибудь боль. Мягкий хоботок ее не способен вбирать в себя что-нибудь твердое. Ни грызть, ни кусать муха не может. Ее пищу составляет все съедобное, все, что ест человек. Приложив свой хоботок к чему-нибудь, муха выделяет жидкость, в которой растворяются твердые съедобные вещества; затем она сосет этот раствор. Поэтому пищу ее составляет то, что способно раствориться в жидкости, выделяемой хоботком. Доподлинно мы не знаем, что это за жидкость; но вы сами видели, что мухи предпочитают всему сахар и другие сладости, как вещества, легче растворимые, а когда нет их, то они нападают на все: на мясо, на хлеб, на овощи — словом, на все съедобное, что находится в наших домах. Вот села муха на вашу руку. Не сгоняйте ее, посмотрите, что она делает. Подвигаясь шаг за шагом, муха своим хоботком обшаривает все складочки кожи на руке; коснувшись до них хоботком, она размачивает своей слюной все, что пристало к коже то тут то там, направо, налево. Ступит дальше вперед и опять шарит, пока не найдет сахарное пятно, к которому и прилипнет. Зачем вы не вымыли ваших рук? Горе вам, если в жаркий летний день вы заснули, не умыв лица и рук после вкусного обеда или ужина; мухи облепят ваш рот. Но еще хуже вам будет, если вы заснете с открытым ртом: муха не преминет забраться туда, начнет щекотать ваш язык; вы хлопнете зубами, и что потом будет — рассказывать нечего, сами знаете.

Мириады мух снуют с утра до вечера по комнате. Целые стаи их назойливо бросаются на все съедобное, падают в суп и другие кушанья, вязнут в варенье, тонут в чае, и горе тому, кто нечаянно проглотит муху с чаем или с ложкой супа. Результат будет неприятный. Но все это пустяки в сравнении с теми бедствиями, которые способна причинить нам муха.

Представьте себе, что вы пришли навестить больного родственника или знакомого. Вы знаете, что ваш приход доставит ему радость; но вас при входе предупреждают: не прикасайтесь к нему, не подходите близко, его болезнь заразна. Но, рассуждаете вы, за несколько шагов не может же передаваться зараза. Это правда, и доказательства налицо: те, которые вас предупреждали, ведь не заразились же, ухаживая за больным. Разговаривая с больным, вы не заметили, как от него к вам перелетела муха. Она села к вам на лоб, как раз на то место, где вы сорвали крохотный прыщик. Хоботок пущен в ход, муха нашла поживу в свежей ранке, а только что перед этим она точно так же обсосала гнойные ранки больного. Счастье ваше, если вы здоровы и не расположены к подобного рода болезни, иначе, будьте уверены, вы заразились.

Достаточно самой ничтожной частицы гноя или других выделений больного холерой, тифом, оспой или чумой, чтоб заразить совсем здорового человека. Вот где именно роль мухи в нашей жизни громадна. Но, к сожалению, люди слишком мало обращают на них внимания. Когда появляется какая-нибудь страшная повальная болезнь, когда страх смерти охватывает людей, когда болезнь переходит из города в город, из селения в селение, тогда устраивают карантин, где задерживают, обеззараживают (дезинфицируют) приехавших из зараженных местностей, их платье, вещи и даже письма, а про муху-то, для которой карантин не существует, в это время и забывают. Свободная, быстролетная, она носится из дома в дом, из улицы в улицу, из одного селения в другое и на своих ногах на хоботке беспрепятственно переносит заразу. Врачи давно уже убедились в том, что одна муха-кусачка привит-

вает сибирскую язву и другие болезни, заражая ими здоровых; но все-таки это не заставило людей обратить внимание на мух; и, чем меньше обращают внимания, тем легче ей живется. Посмотрим теперь, как ей живется.

Мы сказали уже, что на зиму муха исчезает. С наступлением холодов, в сентябре, мух становится с каждым днем все меньше и меньше. Почти все они гибнут. Каждый день из комнат вместе с сором выметается много мертвых мух; но иные, особенно молодые мухи, прячутся в щелочки стен или мебели, в темные уголки и погружаются в глубокий сон. Нередко среди зимы вдруг появится муха. Яркий солнечный луч упал в какую-нибудь щель и случайно осветил сонную муху, согрел ее, и она полетела по комнатам. Вот прямое доказательство того, что не все мухи умирают и что некоторые, хотя и немногие, засыпают только на зиму. Наступит апрель, согреется воздух, жгучие лучи солнца разбудят сонных мух, они вылетят из своих убежищ, поедят чего-нибудь, а затем начнут кладку яиц. Яйца комнатной мухи крошечные, продолговатые, беленькие, почти невидимые глазом. Каждая муха-самка кладет их зараз от 120 до 150 штук и может класть их четыре раза, т. е. около 600 яиц в лето. Никаких гнезд для своих яичек она не устраивает, а мечет их там, где удобнее жить ее будущим детенышам. Чаще всего муха помещает свои яйца в навоз, в особенности конский, в помойные ямы, кухонные отбросы и пр. В жаркое время уже через 8 часов, в более холодное через 12—15 часов из яичек выходят крохотные белые червячки, у которых задний конец толстый, обрубленный, передний же заостренный, с черным крючочком. Этот крючочек служит червячку и для еды, и для перемещения. Через несколько минут личинка сбрасывает с себя кожицу и быстро зарывается в навоз или сор, где отыскивает себе пищу. Она растет поразительно быстро, так что через два дня весит уже в двести раз больше, чем в минуту выхода из яичка, а в каких-нибудь десять дней достигает полного роста. Тогда она ищет удобного местечка, чтобы превратиться в куколку. Кожа на личинке отстает от тела, делается темной, коричневой и обращается в кокон куколки, а дней

через двенадцать из куколки выходит взрослая муха, которая через день или через два в свою очередь положит яички.

Ученые, долго изучавшие мух, вычислили, что потомство одной мухи в течение лета может достигнуть громадной цифры.

Если принять, что каждая муха откладывает только 120 яиц в каждую кладку и производит за лето 7 поколений, то мух в одно лето расплодилось бы столько, что они затмили бы солнце.

В самом деле, высчитаем, каково было бы поколение одной мухи к концу лета.

15 апреля перезимовавшая самка положила 120 яиц.

1 мая вышло 120 яиц, из которых 60 самок.

10 мая каждая самка кладет по 120 яиц.

28 мая выходит 7200 новых мух, среди которых 3600 самок.

8 июня каждая из 3600 самок кладет по 120 яиц.

20 июня выходит 432 000 мух, среди которых 216 000 самок.

30 июня каждая из 216 000 самок откладывает по 120 яиц.

10 июля выходит 25 920 000 мух, из них 12 960 000 самок

19 июля они кладут яйца.

29 июля выходят 1 555 200 000 мух, из которых 777 600 000 самок.

8 августа новая кладка яиц.

18 августа выходят 93 312 000 000 мух, из них 46 656 000 000 самок.

28 августа опять кладка яиц.

10 сентября выходят 5 598 720 000 000 взрослых мух, из которых половина самки.

Сомневаться в правильности этих вычислений нет основания; но сколько мух ни летает в наших комнатах среди лета, однако нельзя допустить, чтобы потомство одной мухи в действительности могло достигнуть таких цифр. В природе существует неизменный закон: чем сильнее плодится какое-нибудь животное, тем более гибнет

его детенышей, маленьких и взрослых, от различных врагов. Из страшного количества положенных мухой яиц большая часть погибает от сырости, холода и пр. Из остальных выведутся личинки, но из них тоже большая часть погибнет раньше превращения в куколку. А у взрослых мух разве мало врагов: пауки, различные насекомые, птицы, лягушки, наконец, сам человек, так что в конце концов почти все многочисленное потомство мухи, народившееся в течение лета, погибает от тех или других причин, и каждую весну, с наступлением тепла, мух появляется в наших комнатах столько же, сколько и прошлогодней весной. Следовательно, скажете вы, поражающая плодовитость мухи не представляет ничего особенного: сколько бы их ни нарождалось, они и без нас погибнут к концу осени. Это совершенно справедливо. Но представьте себе, что обстоятельства сложились для мухи благоприятно и что несколько лишних десятков или сотен мух остались в живых к весне; тогда все лето ваше испорчено: рои мух быстро заполнят ваше жилище, не дадут вам спать, будут мешать вам есть, сотнями, тысячами будут валиться в вашу провизию. Да что, впрочем, и говорить. вы сами знаете, какое удовольствие представляет дом, наполненный роями мух.

С давних пор люди старались отделаться от них; придумали разные хлопущки, которыми бьют их на стенах. Подвешивают на потолке ветку растения, называемого перекати-поле; мухи, словно вороны, тысячами забираются туда на ночь; тогда потихоньку снимут веточку перекати-поле и окунут ее в воду. Изобретение разных жидкостей, бумажек с надписью: «смерть мухам» — составляет теперь целый промысел, но мух все-таки не убавляется. Тем не менее у нас есть очень простое средство, если не совсем избавиться, то сократить по крайней мере число этих врагов. Мы скажем о нем после.

Кроме обыкновенной комнатной мухи, о которой мы говорили, в наших домах и около них водятся другие мухи, из которых каждая играет особую роль в нашей жизни.

Помните ли, как однажды летом вы проснулись от неприятного чувства? Не то жгло, не то что-то больно

щекотало вашу верхнюю губу. Вы взглянули в зеркало — о, ужас: губа у вас распухла, приняла страшные размеры. Распухли даже ближайшие к ней части вашего лица. Зуд не прерывается в течение нескольких часов. Вам объясняют, что это муха вас укусила. Но вам от этого не легче. Опавшая к вечеру опухоль на следующее утро возобновится еще сильнее, через два-три дня опухоль начнет спадать.

Не случалось ли вам заметить, что иной раз в комнату ворвется черно-синяя муха, вдвое крупнее домашней? С резким жужжанием, словно сумасшедшая, мечется она по комнате, звонко колотится в оконные стекла. Вот это-то и есть ваш обидчик. Пользуясь тем, что под утро вы сладко и крепко заснули, жужжалка, как зовут эту муху¹, приближается к вам, ползает по лицу; найдет на ваших губах остатки вчерашней пищи — начнет высасывать ее; войдет во вкус, да и кольнет вас своим жалом. Этого укола довольно, чтобы вы три дня проходили с изуродованной губой. Но это бы еще пустяки. В жарких странах есть мухи, которые наносят часто людям серьезный вред. Подобно многим мухам, они кладут свои яйца на мясо, которым питаются ее гусеницы.

Под конец лета, в июле и в августе, в комнатах появляются мухи, очень похожие на домашних, и такой же величины; только вместо хоботка комнатной мухи, у них острое шильце, которым они ловко прокалывают кожу людей, причиняя жгучую боль, и быстро сосут кровь. Эти мухи жигалки, или кусачки, нападают также на разных домашних животных, причиняя и им чувствительную боль. Они кладут яички в навоз. Личинки их также безвредны, как и личинки домашней мухи. Самые укусы, хотя они и неприятны, причиняют лишь минутную боль, без всяких дальнейших последствий. Укушенные места ничуть не распухают. Но тем не менее эта муха одна из самых вредных. Она-то именно, как уже дознано, переносит с лошадей и рогатого скота яд сибирской язвы на человека.

¹ Это так называемая синяя мясная муха, или каллифора.

Жигалка

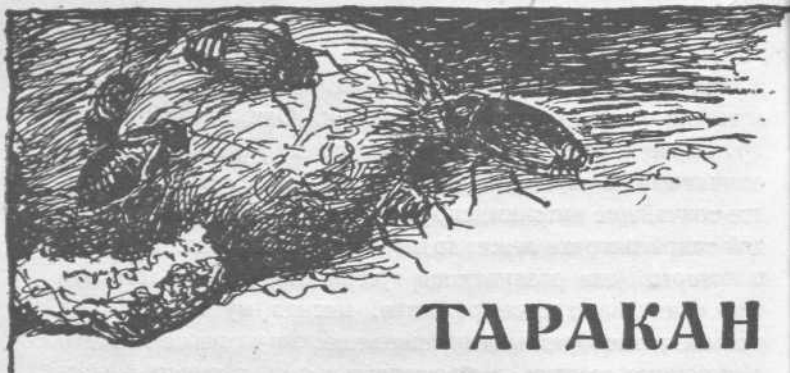

Каллифора

На деревьях, окружающих дома, нередко можно видеть мух, которые называются мясными. Они отличаются от других мух тем, что размножаются не яйцами, а прямо личинками. В каждой самке, если вскрыть ее летом, найдешь две тончайшие ниточки, скрученные в виде спирали. В каждой такой ниточке лежит до десяти тысяч крошечных яиц, в которых уже развиваются гусеницы. По мере того как они оканчивают свое развитие, мясная муха кладет их в самые разнообразные гниющие вещества: в гниющие плоды, в кухонные остатки, выброшенные в яму, в трупы животных, в куски мяса, наконец, в раны живых животных. Личинки не брезгают ничем для того, чтобы вырасти. Есть мясные мухи, которые кладут свои личинки в раны людей, это так называемые вольфартовы мухи. Эти противные мухи заползают сонным ребятишкам в нос, кладут туда свои личинки, разъедающие слизистую оболочку и являющиеся причиной сильных кровотечений. Иногда эти мухи кладут своих гусениц в уши или в углы глаз. В первом случае образуются в ушах опасные нарывы, последствием которых иногда бывает глухота; гусеницы же, положенные мухой в глаз, при нечистоплотности детей, иногда до такой степени разъедают веки, что дети слепнут. Были случаи, что вольфартова муха заползала через нос в лобные пазухи, откладывая там яички, и развивавшиеся там гусеницы причиняли ужасные страдания, кончавшиеся иногда смертью.

К счастью нашему, все подобные случаи крайне редки, но тем не менее они бывают. Гораздо чаще от таких мух страдают овцы, особенно на юге России, где мухи заражают своими личинками часто половину стада. Таким образом, припомнив все сказанное о мухах, мы должны согласиться, что никакая мышь или крыса не в состоянии причинить нам столько вреда и хлопот, как мухи. Это, бесспорно, злейшие из всех захребетников, какие только есть.

ТАРАКАН

О, ЧТО вы видите на рисунке, вам, вероятно, знакомо. Есть поговорка: «Друг ты мой сердечный таракан запечный».

Когда вас обзовут так, пожалуйста, обидьтесь; знайте, что вы надоели, что над вами смеются; потому, что где заведутся эти друзья запечные, от них трудненько избавиться.

Вздумаете ли вы переменить квартиру — тараканы переедут с вами. Они не прочь проводить вас из деревни в город, хотя бы за сотню верст. Они даже не изменят вам, если вы отправитесь путешествовать по морю. Тараканы в сущности лично нам вреда не приносят. Они грабят только нашу провизию. Это настоящий недруг хозяек, которые нечисто содержат дома. Трудно себе представить, в каком количестве тараканы населяют дома. Днем их видно еще не так много, потому что они прячутся по щелям; зато, лишь только кончится ужин, полягут все спать, погаснет свет, прислушайтесь: в доме начинается странное шуршание, прерываемое слабыми звуками падения на пол чего-то маленького. Это значит, что из всех щелей

выс
них
кон
дые
бол
бур
бел
это
вае
хоз
с о
тар
поп
под
няк
нак
И д
сре
В с
дае
две
цар
из
не
с ч
ру
их
ко
нет
ку
да
но
ни

выбирается тараканья армия. Тут и старые тараканьи с желтым чемоданчиком, прикрепленным к заднему концу тела; тут и усатые старые тараканы; тут и молодые тараканчики-франтики, темно-рыжего цвета, которые бойко покручивают своими усиками; тут и бесчисленные буренькие таракашки-ребятишки всех возрастов; тут и белые тараканьи «князьки», как зовут их в народе. Все это бойко бежит вперегонку по потолку и стенам, обрывается, шлепается на пол и снова бежит в кухню, где неряха хозяйка поставила непокрытыми горшки с кашей, чашки с остатками щей, корочки и крошки хлеба. Пируют здесь тараканы всласть в течение целой ночи. Много неловких поплатится жизнью, но зато еще больше сытых вернется под утро в родимые щели. Нередко тараканы просто заполняют избу, валяются в щели, в воду, во всякую похлебку, и, наконец, дело доходит до того, что хоть вон беги из избы. И действительно убегают. В деревнях было единственное средство избавиться от тараканов — это выморозить их. В самый трескучий мороз крестьянин со всей семьей покидает дня на два или на три избу, отворив в ней настежь двери и окна. Дедка-мороз разом скрутит все тараканье царство. Вернутся снова хозяева дома, выметет хозяйка из углов, из-за печки кучи мертвых тараканов.

Сходит кто-нибудь в гости к соседям, где тараканов не морозили, глядишь — и прихватил оттуда тараканиху с чемоданчиком на племя. Заползет она в щелочку и живой рукой разведет новое стадо.

Тараканы — прекурьезный народ. Зоологи причисляют их к прямокрылым. Это родственники саранчи, кузнечиков, сверчков и т. д., вообще тех насекомых, у которых нет полного превращения, нет тех степеней личинки и куколки, которые мы видим у других насекомых. Тараканы даже от своей родни отличаются тем, что не кладут одиноких яиц. Когда яички поспеют в теле матери, на них образуется футляр или мешочек, названный нами

Саранча

Кузнечик

Сверчок

чемоданчиком. Этот чемоданчик выдвигается постепенно наружу, но остается долго прикрепленным к заднему концу тела тараканихи. Вы его, вероятно, видели; формой он похож на портсигар; на одном краю возвышенный рубчик, а плоские бока имеют поперечные бороздки. Внутри этого чемоданчика лежат в два слоя длинные белые трубочки; их бывает до 36 штук. Это и есть яички, в которых развиваются маленькие тараканчики. Когда придет время выполнять им из яичек, тараканиха заберется в щель, задними ножками оторвет свой чемодан и начнет за ним ухаживать. Своими челюстями она обгрызет рубец, о котором мы говорили, и из образовавшихся тут отверстий начнут выползать беленькие, длинненькие, крошечные личинки, с ножками и черненькими глазками. Тараканиха хлопочет изо всех сил, чтоб помочь своим деткам выбраться. Она заботливо оглаживает новорожденных своими усиками и подгоняет их к заранее припасенным крошкам чего-нибудь съестного. Таракашки быстро крепнут на воздухе и принимаются за еду. Стоит им немножко поесть, чтобы сделаться неузнаваемыми. Червеобразное тельце превращается в плоское и широкое; белый цвет быстро сменяется черно-бурым. Таракашки растут с изумительной быстротой. Через восемь дней после рождения молодой таракашек линяет. Это прекурзальная штука. Кожица отстает на всем теле и лопается на голове; чрез это отверстие таракашек вылезает из старой кожи, как из чехла. Но как он непохож на самого себя! Весь он белый, еле ползет, ножки его гнутся, едва цепляются за стены; кожица мягкая, нежная. Вот вам и тараканий «князек». Но пройдет несколько часов, и «князек» снова преобразится в простого таракана. Его ножки и кожица окрепнут и побуреют. Через каждые десять, двенадцать дней, а потом через три, четыре недели линька повторяется; причем каждый раз из тараканьей шкурки вылезает белый «князек». После шести линек таракан делается уже взрослым, снабженным крыльями. Таким образом, рост таракана продолжается

около четырех месяцев, а зимой даже и до полугода. Поэтому размножение тараканов идет гораздо медленнее, нежели размножение мух, и обилие их в домах можно прямо приписать небрежности хозяек. Кроме мороза, есть немало средств против тараканов: так, например, бура, смешанная с сахаром, персидский порошок, рассыпанные по щелям, отлично изводят их, но вот беда: один раз рассыпят этих порошков, выметут мертвых тараканов, и довольно, дело сделано, избавились. Как бы не так! Не все поддались на отраву; между ними нашлись сытые или осторожные, которые уцелели и преблагополучно, втихомолку разведут своих. Пройдет месяц, два, три — хозяйка только руками всплескивает: «Откуда появились опять противные тараканы? Ничего-то не стоят все эти порошки!» Напрасно! Следовало только посыпать их, не переставая, хоть ежемесячно, тогда после трех, четырех раз, наверное, уж не будет ни одного таракана.

Рыжий таракан — самый обыкновенный жилец наших домов. Странно, что его называли по-латыни немецким тараканом (*Blattella germanica*). У нас зовут его пруссаком. А немцы ни за что не хотят признать в нем земляка и уверяют, что его занесли к ним русские.

* * *

Другая порода тараканов отличается от пруссака большим ростом и черным цветом. Это черные тараканы. Они также живут у нас везде, точно так же питаются всякой провизией, но, в противоположность пруссаку, они малочисленны, редки, почему в народе сложилось поверье, что появление черного таракана обещает удачу, счастье. Поэтому добрая хозяйка считает даже за грех убить его. Конечно, все это вздор. Редкость же черного таракана объясняется, во-первых, меньшей плодовитостью его, а во-вторых, более продолжительным периодом развития.

Некоторые утверждают, что черный таракан достигает полного возраста лишь через пять или шесть лет; насколько это справедливо, не знаю, но, кажется, этот срок чересчур преувеличен. Впрочем, для этого стоит только вам посадить черного таракана в банку и заняться наблюдением над ним.хлопот немного. Бросайте туда изредка крошечки чего-нибудь съедобного, плесните иногда ложечку воды—больше ничего ему и не нужно.

Но вот вопрос: хватит ли у вас терпения следить за ним в продолжение нескольких лет? В этом я сомневаюсь; оттого-то и я плохо знаю жизнь черных тараканов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РАССКАЗ наш пришел к концу. Плохо или хорошо, но все же мы познакомились с мирскими захребетниками. Однако я не хочу этим сказать, что мы узнали их совершенно. Мы говорили только о главных, других же лишь назвали; но, кроме того, остались многие мелкие воришки, о которых мы даже и не упомянули. Говорят, чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли; а известно, что чистую соль никто не ест; ее кладут в кушанье небольшими щепотками; и потому, чтобы съесть пуд соли, надо много времени; за это время успеешь и поссориться, и помириться с человеком, успеешь досыта наговориться с ним, успеешь разузнать, чего он хочет, что делает, что ему нужно. Воробью же вы эти вопросы не предложите. Что он чирикает — вам непонятно; хотя другой воробей его очень хорошо по-

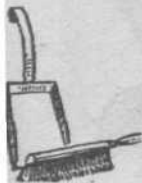

нимает. Поэтому изучать жизнь животных весьма трудно. Мы должны догадываться, что они делают, чего хотят, а при догадках неизбежны ошибки; вот почему и возводят нередко напраслину на многих невинных и полезных захребетников. Мы знаем, например, с какой ненавистью и суеверным страхом относятся люди к сычу, летучей мыши, пауку, жабе и как, с другой стороны, ни за что ни про что суеверный народ чествует аиста. Но мы беспристрастно отнеслись ко всем вообще захребетникам и знаем теперь безошибочно, кто нам враг, кто друг, кто пришел к нам просто погреться или попросить кусочек на пропитание в тяжелое, голодное время и кто явился обидчиком, хищником. А потому мы знаем также, как поступать с ними; знаем, что одних надо беречь, другим помочь временно, а с третьими воевать, и воевать неустанно.

Мы упомянули выше, сколько разных средств придумано для истребления этих врагов.

Мы, люди, строим себе дома, корабли, железные дороги, летаем по воздуху, освещаем свои жилища искусственными солнцами и не можем выжить из них какого-то несчастного таракана! Согласитесь, что это странно и вовсе не делает нам чести.

А между тем положение наше далеко не так безысходно, как кажется. Чистота и опрятность доступны каждому. Это лучший плод цивилизации. Мое дело было объяснить, отчего плодятся у нас дармоеды; а ваше дело — сладить с ними, сладить же, как видите, очень нетрудно. Мое дело было отделить воров от честных друзей, оправдать невинно гонимых суеверием и незнанием; а ваше дело — отнестись к друзьям по-дружески, дать им приют, уберечь от врагов и бросать им порой те крошки, которые вам не нужны. Вы теперь хорошо знаете, что за это покровительство они вам честно отплатят, оберегая ваши овощи, ягоды, фрукты, цветы, хлебные поля.

СОДЕРЖАНИЕ

Русский зоолог-путешественник		Голубь	73
М. Н. Богданов	3	Галка	77
От автора	11	Сыч	79
Вместо введения	12	Аист	81
Мышь	15	Хохлатый жаворонок	83
Крыса	24	Налетные воры	86
Летучая мышь	29	Надворные гости	89
Ласточка	37	Уж	93
Стриж	51	Жаба	99
Скворец	53	Муха	103
Домашний воробей	57	Таракан	112
Полевой воробей	71	Заключение	117

Модест Николаевич Богданов

МИРСКИЕ ЗАХРЕБЕТНИКИ

Редактор *Н. В. Глушкова*

Художники: *А. Н. Комаров* и *Г. П. Кляевский*

Художественный редактор *Б. М. Кисин*

Технический редактор *Н. Н. Махова*

Корректор *С. М. Аронова*

Сдано в набор 31/III 1960 г. Подписано к печати
25/VII 1960 г. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 7¹/₂. Уч.-изд. л. 5,83
Тираж 32 тыс. экз. А-06986

Учпедгиз, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Типография № 4 УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Социалистическая, 14.

Заказ № 650

Цена без переплета 2 р. 05 к.

np 2010

УЧПЕДГИЗ · 1960